

СИНГУЛЯРНОСТЬ ИНКУБАТОР СЧАСТЬЯ

Эдгар Грант

18+

Эдгар Грант

Сингулярность. Инкубатор счастья

«Автор»

2017

Грант Э.

Сингулярность. Инкубатор счастья / Э. Грант — «Автор», 2017

«Инкубатор счастья» – продолжение романа «Сингулярность», развитие темы фундаментальных сил, лежащих в основе мироздания и их влияния на жизнь человечества. Самостоятельны ли мы в своем выборе, или наши действия продиктованы мотивами, пока не доступными пониманию людей. Возможно ли, что мы всего лишь элемент в некоем великом замысле. Если это так, то какая роль отведена в нем человеку?

© Грант Э., 2017

© Автор, 2017

Содержание

США. Вирджиния	5
США. Вашингтон. Региональный офис ЦРУ	9
Франция. Поместье Ривье	12
США. Вирджиния. Болстон. Штаб-квартира DARPA	15
Франция. Предмесье Парижа	25
США. Сан-Франциско	29
Китай	38
США. Сан-Франциско	41
Швейцария. Женева	49
Россия. Московская область. Реабилитационно-восстановительный центр ФСБ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Эдгар Грант

Сингулярность. Инкубатор счастья

США. Вирджиния

Ситуация в Америке, набирая скорость, катилась под откос, и, казалось, ее ничто уже не могло выправить. Если в первые сутки волнений у вывалившихся на улицу людей кроме неизвестно откуда взявшейся перерастающей в агрессию злости были разумные требования, вроде реформирования вашингтонской власти, то после введения в города войск в стране началась полная анархия.

Понимая, что президент настроен решительно, губернаторы штатов и мэры крупных городов попытались организовать сопротивление армии, получившей приказ в кратчайшие сроки подавить беспорядки. Делали они это не потому, что верили в демократию и были против того, что после роспуска Конгресса власть в стране сосредоточилась в руках главы государства. Вовсе нет. Президент сразу объявил о дате национального референдума по изменению политической системы США. Он также опубликовал план перехода к прямой демократии, где основные вопросы развития нации будут решаться всенародным голосованием, а не кучкой вашингтонских политиков, продвигающих интересы крупных корпораций и, конечно, свои собственные. Дело было в том, что местечковые политики сами являлись частью этой прогнившей системы. Они очень опасались того, что, если президентская инициатива будет поддержана американцами, их власти в Штатах тоже придет конец. Ведь правила референдума предполагалось распространить на всю федерацию. Именно поэтому губернаторы и мэры, с пеной у рта крича про попорченную демократию, послали полицейский спецназ захватить склады армейского резерва с оружием, законсервированные еще со времен холодной войны. Именно поэтому, надеясь на то, что старым политическим элитам каким-то образом удастся вернуть себе утерянную власть, они раздали это оружие населению и сформировали «сопротивление», фактически развязав в стране гражданскую войну.

Но расчет не оправдался. Получив оружие, разъяренные толпы направили его не против армии, где их ожидал бы решительный отпор. Они повернули оружие против тех, кто его им роздал, и в течение нескольких дней разогнали городские администрации и правительства штатов. А потом люди стали убивать друг друга. Так по крупным городам Америки начала разливаться волна неконтролируемого хаоса и насилия, которую не в силах были остановить даже военные.

Сбившись в многочисленные банды, люди дали выход своей копившейся годами ярости на царившую в Америке несправедливость и принялись громить и разрушать все, что их окружает. Магазины, склады, предприятия, офисы – все подвергалось нещадному разграблению.

После начала операции усмирения армия и нацгвардия попытались взять ситуацию в городах под контроль, но генералы быстро поняли, что их действия перерастают в полномасштабные уличные бои, и отвели войска за окраины. Организовав там хорошо укрепленные блокпосты, военные постоянно пробовали вступить с «сопротивлением» в переговоры.

Командиры сообщали в штабы своих частей, что наблюдают в городах пожары, а их разведка докладывала о не стихающих уличных боях между вооруженными группами, многочисленных жертвах среди населения, бесконтрольных грабежах и разбое. Но военные не знали, что делать. Не в силах контролировать собственную злость на то, что ситуацию не удастся урегулировать, они все чаще отдавали приказы авиации и артиллерии на нанесение ударов по городским кварталам.

Американцы точно сошли с ума. Сомнений в этом больше не оставалось.

Не скрывая своего раздражения, Адамс выругался и выключил новости. Все летело к чертям. Из нетронутых «сопротивлением» городов остались только Вашингтон, который полностью контролировали военные, и города в штатах центрального Запада. Там властям удалось удержать население от открытого бунта и направить его агрессию против мигрантов из Мексики. Все остальные крупные города были охвачены беспорядками.

Что творилось в городках помельче, никто не мог себе даже вообразить. И, похоже, остановить эту волну насилия не представлялось возможным. Через неделю крови прольется столько, что эту бойню стороны будут продолжать до полной победы, а значит до полного истребления противника или своей собственной гибели.

После разговора с главой МНБ Адамс вернулся домой в небольшую квартиру рядом с Лэнгли. Он попытался вспомнить, что чувствовал в момент, когда уловил мощный всплеск информационного поля. Раздражение... Злость... И страх... Да, страх казался самым мощным ощущением. И это было хорошо. Такой сильный эмоциональный фон мог оставить в подсознании отпечаток чего-то, что он сразу не смог распознать. Чего-то, что может послужить зацепкой в разгадке внезапной вспышки неконтролируемой агрессии, накрывшей американцев. В том, что эта агрессия была вызвана извне, он не сомневался. Лишь больше убеждался, что всё это очень напоминало атаку мощного психотронного оружия.

В задумчивости постояв у окна, рассеянно рассматривая блокировавший ближайший перекресток «Брэдли»¹, Адамс, наконец, принял решение. Надо было попытаться восстановить свое состояние на момент атаки. Он прошел на кухню, открыл небольшой почти пустой холодильник и достал из него компактный контейнер. В нем находились несколько доз сильнодействующего психостимулянта. Выносить такие препараты из лаборатории было категорически запрещено, но Адамс, ссылаясь на то, что ему иногда приходится «работать на дому», сделал себе специальное разрешение.

Конечно, можно было бы попытаться ввести себя в состояние психостимуляции усилием воли, но в поисках подсказок он хотел добиться глубокого погружения в самые отдаленные уголки собственного сознания. А для этого разработанная в их лаборатории химия была самым лучшим помощником.

Достав из металлической коробочки небольшой сверкающий стерильным хромом иньектор, Адамс выбрал одну из тонкостенных стеклянных капсул и, придирчиво рассмотрев бесцветное вещество на свет, вставил ее в приемник. Затем прошел в спальню, подкатил к кровати небольшую тележку с нейрографом и надел на голову эластичный сенсорный шлем, больше похожий на увитую проводами резиновую шапочку для бассейна. Убедившись, что прибор начал регистрировать его мозговую активность, он закрепил на предплечье автоматический иньектор, который через полчаса должен был вколоть ему антидот, чтобы вывести из состояния транса, лег, сделал несколько глубоких вдохов, расслабился и точным, отработанным движением впрыснул в шею дозу психостимулянта.

Потолок стал медленно уплывать, превращаясь в звездное небо. Откуда-то сбоку выплыл залитый солнцем диск луны. Адамс, казалось, парил в космосе на высокой орбите. Он мысленно повернул голову от солнца и увидел Землю. С этой стороны на планете царила ночь, но по темным очертаниям континентов и подсвеченной огнями россыпи городов, соединенных светящимися нитями дорог, он понял, что смотрит на Восточное полушарие. Он часто вызывал в себе эту картинку и понимал, что это вовсе не полет сознания на орбиту Земли. Просто его воображение складывало вид планеты с орбиты из сотен образов, запомнившихся ему по телевизионным кадрам и фотографиям.

Усилием воли он заставил образ Земли вращаться в обратном направлении. На западе, блеснув ярким лучом, рассыпавшимся по атмосфере невиданной красоты радугой, показался

¹ M2 Bradley – боевая машина пехоты армии США.

край солнца. Оно поднималось медленно и величаво, отгоняя нечеткую полосу тени все дальше и дальше на восток. Наконец светило зависло над полушарием, освещая его в полную силу. Потом сдвинулось с места и покатило на восток, чтобы через несколько секунд опуститься в Тихий океан.

Довольный увиденным, Адамс улыбнулся. Он мог контролировать свой мозг. Заставляя двигаться солнце с запада на восток. Делая это, он в своем сознании отматывал время назад, чтобы выйти на момент психотронной атаки и попытаться локализовать ее источник. Пока все получалось. Светило, скрывшись за горизонтом, опять погрузило Восточное полушарие в ночь. Затем подернутый тонкой пленкой атмосферы западный край земного шара начал светлеть снова. Наступал день, когда Адамс почувствовал всплеск в информационном поле. Он внутренне напрягся, пытаясь воссоздать в памяти ощущения, которые он тогда испытывал.

Раздражение... Злость... Страх... Солнце встало над горизонтом и, гася россыпи огней ночных городов, снова погнало полосу тени на восток.

Раздражение... Злость... Страх...

Никакой реакции. Сознание молчало, словно не понимая, что от него требуется. Все Восточное полушарие уже было залито светом. На севере, над Евразией, закручиваясь в гигантские клубящиеся облачностью водовороты неправильной вытянутой формы, медленно двигались темно-серые рукава циклонов. Южнее – чистое небо над спокойной лазурью Индийского океана и выцветшей от жары Австралией.

На западе появилась полоса тени. Постепенно накрывая Атлантику, она неотвратимо надвигалась на Европу. Поглотив затянутый рваной облачностью континент, темная волна ночи подошла к Черному морю. Солнце неумолимо двигалось к восточному горизонту, но Адамс ничего не чувствовал. Неужели ему не удастся перенестись сознанием на два дня назад, в ту секунду, когда он испытал раздражение, злость и страх.

Страх... Заставив волосы на голове шевелиться, он появился из пустоты и захлестнул Адамса мутной, зябкой волной, вызвавшей неконтролируемую внутреннюю дрожь. Это сильное ощущение длилось всего долю секунды, но он отчетливо его уловил. Теперь с большой долей вероятности можно было определить время атаки. Теперь он знал, что искать в своем подсознании.

Земной шар пропал, и Адамс вызвал реальные воспоминания того дня, того момента, когда произошла атака. Что он делал в это время? Было около семи утра. Несмотря на рождественские каникулы, он собирался заехать на работу. Он увидел себя дома сидящим на кухне с кружкой горячего кофе и парой ржаных тостов на тарелке. Взяв из стойки с приборами нож, потянулся к масленке, и тут вся картина подернулась тонкой рябью. Ничего особенного не произошло, он просто нахмурился и на секунду замер с ножом в протянутой руке. Он прислушивался к своим ощущениям, смутно улавливая раздражение, злость и неясный, но набирающий силу страх.

Словно редактируя киноленту, Адамс заставил свое сознание вернуться на минуту назад и попытался разобраться, что все-таки случилось в этот момент. Горячий кофе, тосты, нож, масло. Эта странная рябь, на мгновение исказившая пространство... Усилив воли он снова вернулся на несколько секунд назад, пытаясь уловить причину своих странных, очень похожих на предчувствие большой беды ощущений.

И тут его накрыло.

Сознание вытащило из своих глубин тысячи и тысячи вполне отчетливых и ясных образов, из которых состояла окружившая его необычная рябь. И все они были об одном. Оторванная голова Статуи Свободы, лежащая на дне Верхнего залива среди затонувших военных кораблей. Горящий Белый дом. Валящиеся друг на друга высотки Нью-Йорка. Дымы от пожара над Лос-Анджелесом, разрушенным мощным землетрясением. Стремящиеся вниз графики обвала индексов основных американских бирж. Ожесточенные уличные бои, в которых

американцы остервенело убивают друг друга. Толпы полуразложившихся зомби, бесцельно блуждающих по улицам американских городов. И еще, и еще, и еще... Все пространство было забито ужасными образами гибели Америки. Они были повсюду: сыпались с потолка, вываливались из стен, поднимались из пола, заполняя собой кухню, выдавливая воздух, мешая дышать. Адамс почувствовал, что задыхается, и в его сознание, вытеснив волю и здравый смысл, разъяренным чудовищем ворвался примитивный животный ужас.

Он пришел в себя от резкого, бьющего по ушам металлического дребезжания старинного будильника, который он по сложившейся традиции ставил на нужное время во время одиночной психостимуляции. Не в силах побороть остатки страха, захлестнувшего его во время сеанса, Адамс долго лежал, прислушиваясь к своим ощущениям. Ему казалось, что в комнате до сих пор висят обрывки образов гибнущей Америки. Он опасливо огляделся и, убедившись, что в реальности все осталось по-прежнему, медленным движением снял шлем нейрографа.

США. Вашингтон. Региональный офис ЦРУ

Внимательно выслушав рассказ руководителя группы «Сигма», директор ЦРУ Келли в сомнении посмотрел на телефон, решая, позвонить президенту еще раз или нет. Он помнил, с каким скепсисом тот воспринял его прошлое упоминание об этом не совсем обычном подразделении, уже давно и довольно успешно работавшем под крышей одного из оперативных отделов.

– Мистер Адамс... – он перевел взгляд на собеседника. – То, что вы рассказали, очень настораживает, хотя и звучит довольно необычно. Я не думаю, что в Администрации серьезно воспримут ваш э... источник информации, а объяснять им теорию информационного поля, не имеющую фактических подтверждений, у нас просто нет времени. С другой стороны... Если в ближайшее время не удастся выровнять ситуацию, страна может расколоться на несколько полностью автономных провинций. У нас есть сведения, что штаты Среднего запада – Аризона, Невада, Юта, Колорадо, где местные власти держат ситуацию под контролем, уже хотят закрыть границы с соседями. К ним готовы присоединиться Нью-Мексико, Техас, Канзас, Небраска и Вайоминг. Там тоже армии и нацгвардии быстро удалось навести порядок. Это очень настораживающая тенденция, поэтому времени у нас практически нет.

– Я выложил вам свое видение ситуации, – шеф «Сигмы» понимающе покивал головой. – Вам решать, что дальше со всем этим делать.

– Информация довольно необычная. Вы утверждаете, что США подверглись массовой атаке некоего неизвестного психотронного оружия. Кто ее произвел, вы не знаете, но вам известно время. То, что с мозгами людей произошло нечто необычное, говорят и медики, работавшие в указанное время с нейрографами. Мы собрали данные из десятка медучреждений, включая пару контролируемых нами психушек, и все они подтверждают, что в это время у пациентов, подключенных к аппаратуре, наблюдался короткий пиковый всплеск мозговой активности.

– Я этого не знал, – поднял брови Адамс.

– Да. Моя вина. Мне надо было сразу сообщить вам об этом. Знаете что, – Келли в раздумье постучал пальцами по столу, – судя по всему, вся эта психотронная история будет иметь продолжение. Слишком много фактов работает на ее подтверждение. Но пока у нас нет твердых доказательств, выносить такую информацию наверх я не хочу. Один раз уже пробовал – не получилось. Да и ваш разговор с Бэйтсом, судя по всему, закончился ничем. Поэтому я принял решение собрать оперативную группу. Раз уж это ваша тема, назначаю вас руководителем. Людей подберите сами. наших ребят из контрразведки вы знаете хорошо. Часто работали вместе. Если нужно подкрепление из ФБР, дайте знать, я вам его обеспечу. Но тема щекотливая, на грани мистики, поэтому хотелось бы пока держать ее внутри Конторы. Я дам вам самые широкие полномочия, ресурсы и допуски. В рамках приличий, конечно. Если честно, мне самому трудно поверить в вашу теорию, но, если она подтвердится, это может спасти ситуацию. И главное... Ваша основная задача – поиск способов нейтрализации психотронного воздействия. Если попутно найдете источник атаки – хорошо. Но все равно мы с ним будем разбираться позже.

– Понимаю. Я сделаю все возможное, – без особой уверенности в голосе сказал Адамс.

– Тогда приступайте. Приказ я подпишу немедленно, – директор ободряюще кивнул и потянулся за телефоном, давая понять, что разговор окончен.

* * *

Информация о том, что нейрографы по всей стране зафиксировали синхронный всплеск мозговой активности у пациентов как раз в тот момент, на который вышел Адамс во время сеанса психостимуляции, подтвердила предположение о психотронной атаке. К вечеру из нескольких десятков клиник, разбросанных по всему миру, пришли данные, подтверждающие, что и там были зарегистрированы похожие синхронные пики активности, в точности совпадавшие по времени с американскими.

Сомнений не оставалось: два дня назад в 7.09 утра по времени Восточного побережья произошло событие, повлиявшее на мозги людей на всей Земле. Но здесь возникал вопрос. Если это событие накрыло всю планету, то почему повышенная агрессивность населения наблюдается только в Америке? И еще, пожалуй, в Европе, хотя там правительствам все же удалось взять ситуацию под контроль. И как найти источник психотронной атаки, если данные нейрографов из разных стран мира практически идентичны и различаются только с показаниями в Соединенных Штатах. На все эти вопросы Адамс пытался отыскать ответ, стоя перед широким монитором в ситуационном зале своей только что собранной оперативной группы. Наконец он обернулся к сидящему за рабочим терминалом оператору, который пока был единственным членом его команды, и коротко бросил:

– Ну что?

– Сигнатуры всплеска активности на нейрографах по всей планете совпадают. Наше Министерство здравоохранения запросило дополнительную информацию. Полчаса назад стали поступать свежие, массивы данных из разных стран. У нас уже больше четырехсот случаев из 17 стран, и на всех сигнатура всплеска одинаковая. Складывается ощущение, что всю планету накрыло неким фоновым излучением и только Америка каким-то образом выбивается из общей картины. С такими данными мы вряд ли сможем локализовать место, откуда была инициирована атака, рассчитывая на то, что там интенсивность воздействия больше.

– Это значит, что воздействие было однородным, оно одновременно накрыло всю планету. Сработало с одинаковой интенсивностью, но с разным эффектом. И самые негативные последствия у нас. Вот что интересно... Если не считать нас и Европу, то в остальном мире все спокойно, – Адамс коснулся сенсорного пульта на своем запястье, и картинка на экране сменилась новостной лентой. – Я бы даже сказал слишком спокойно. Арабы перестали резаться друг с другом и начали переговоры. Сомалийские пираты отпустили кучу заложников, которых держали почти год. В ЮАР, Бразилии и Аргентине рассосались протесты. Тебе не кажется это странным?

– Может, совпадение? – пожал плечами оператор.

– А если нет?

– Накрыть всю планету можно только из космоса.

– Вижу, куда ты клонишь. Опять инопланетяне?

– Может, инопланетяне. Может, русские. Может, китайцы.

– Может... – эхом повторил за ним Адамс. – Черт! Я даже не знаю, с какой стороны подступиться к этой проблеме. У нас, кроме времени атаки, ничего нет. Ладно, если нет мыслей, давай копать вширь. Влезай во все доступные базы данных. Министерство обороны, АНБ, МВБ, ЦРУ. Запускай поиск везде, где можешь. Допуски у тебя есть. Цель поиска – любые программы по психотронному оружию, психомоделированию и манипуляции большими группами населения. Собирай все, что найдешь, потом отфильтруем. Это первый уровень. Одновременно запусти поиск по научным изданиям. Там хоть и много мусора, но тоже иногда всплывает полезная информация. Если что найдешь конкретно по теме, сразу дай мне знать.

Если сам не справляешься, пришлю помощника. Это пока все. А я наведу к армейским яйцеголовым в *DARPA*², у них наверняка есть наработки по нашей теме.

² Defense Advanced Research Projects Agency – Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США.

Франция. Поместье Ривье

То, что контакт с Сингулярностью состоялся не так, как планировалось, не понравилось не только русским. Тьери сразу заявил, что китайцы специально спровоцировали активность модератора, чтобы провести эксперимент самостоятельно. По его мнению, они изначально преследовали свои цели и не были заинтересованы в детальном изучении феномена. Русские тоже склонялись к этому выводу, хотя сомневались, что Гао пытался добиться какого-то конкретного результата. Они полагали, что элемент случайности в монастыре все же присутствовал.

В любом случае мумии, открывшие канал к Сингулярности, были окончательно мертвы. Поэтому дальнейшее продолжение эксперимента теперь представлялось сомнительным. Чтобы напрямую не обвинять китайцев в срыве операции, спланированной на самом высоком уровне, было предложено взять паузу, спокойно разобраться в произошедшем и решить, что делать дальше. Тьери отложил свою поездку в Китай и отозвал Ника во Францию. Профессор Лесовский с Татьяной тоже покинули монастырь и вернулись в Россию.

После контакта Ник долго не мог прийти в себя. Он прекрасно помнил ощущение легкой эйфории, которое возникло, когда Ишихара первый раз провел его сознание на субквантовый уровень Сингулярности. Он помнил волшебное сияние ее нитей, радужные переливы теплого света, мерцающие среди роящихся в кажущемся беспорядке искр, каждая из которых была целой вселенной, впитавшей в себя коллективное сознание достигшей вершины своего развития цивилизации. Теперь Сингулярность виделась ему по-другому. Нежно изгибающиеся в медленном танце нити превратились в ослепительные резко очерченные росчерки молний, а манящий рой искр представлялся почти статичной россыпью звезд, сияющих холодным блеском на бездонном ночном небе. Он не задумывался, почему это произошло, но в памяти всплыла фраза Ишихары о том, что восприятие Сингулярности зависит от эмоционального состояния. Значит, его эмоциональное состояние изменилось. Пытаясь разобраться в своих ощущениях, он часто прислушивался к себе, но ничего особенного так и не заметил.

Лиз была несказанно рада его возвращению и не отходила от него ни на шаг. Она не спрашивала о том, что случилось на коллайдере и где он пропадал последние три дня, но Ник иногда улавливал в ее взгляде понимание и даже едва уловимые нотки сочувствия. Конечно, она знала из новостей об операции по разрушению Европы, развернутой американцами на БАКе, знала, что ее муж невольно оказался в самом ее центре. А может, ей было известно и нечто большее. Но Нику не хотелось думать об этом. Он был рад тому, что Тьери после многочасового допроса оставил его в покое, сказав, что впереди еще много работы, но сейчас пару дней можно провести с семьей. Он наслаждался общением с Лиз, дочкой и родителями, которые были искренне рады его возвращению.

После заявления американского президента работу Большого адронного коллайдера остановили. При ООН была создана специальная комиссия по выработке правил работы на научных устройствах, способных спровоцировать необъяснимые опасные явления. Там же готовилось обширное межгосударственное соглашение, запрещающее эксперименты с энергиями более 14 ТэВ на установках любого типа.

В общем, пока политики разбирались с ситуацией и друг с другом, ученые получили непредвиденный отпуск. Да и работать Нику не хотелось. Пару раз садился за расчеты, пытался прогнать несколько виртуальных моделей, но теперь, когда он знал истинную природу вещей, они казались ему до примитивности наивными. Он часто думал, не рассказать ли Лиз об Ишихаре и о том, что произошло той ночью на коллайдере. Но такой рассказ потянул бы за собой раскрытие того, что Татьяна была русским резидентом. А Майк... Майк вообще был непонятно кем. Он свободно общался и с Драгиным, и с Гао, и с тем русским профессором, который приехал с Татьяной в монастырь. И, похоже, всех такое положение вполне устраивало. А еще

надо было бы рассказать про лазерную установку русских в Сарове, про спаренную квантовую черную дыру и про то, что они были в нескольких мгновениях от уничтожения Америки.

Вспомнив об этом, Ник зябко повел плечами.

– Тебя знобит? Может принести плед? – спросила Лиз, подняв голову с его плеча.

Они сидели в полутьме гостиной перед огромным выложенным лет двести назад из грубо обработанного местного камня камином, в котором на углах догорали несколько толстых поленьев, наполняя гостиную теплом и чуть уловимым запахом лесного костра. После Рождества старики уехали в гости к соседям, владевшим неподалеку небольшой утиной фермой, дочка давно уснула, а несколько бокалов домашнего красного вина, принятого у камина после легкого ужина, вселяли ощущение покоя и удовлетворения.

– Все нормально, милая, – он повернулся и поцеловал ее. – Черт... Даже не верится, что за несколько недель может произойти столько всего.

– Не думай об этом, – Лиз снова опустила голову на его плечо и, прижавшись к нему, поудобнее устроилась на диване. – Все позади. Мы снова вместе и в безопасности.

– Хотелось бы верить, – пробурчал Ник, безразлично наблюдая в висящее сбоку от камина старинное зеркало, как его оставленный на столе смарт нервно мигает зеленым огоньком вызова. Ученый догадывался, от кого пришел этот звонок, но отвечать не собирался.

Утром Ник проснулся от приглушенного ворчания вертолетных винтов. Он осторожно выбрался из-под тяжелого ватного одеяла, сшитого еще его бабушкой, аккуратно накрыл им Лиз и, прихватив небрежно брошенные вечером на стул джинсы и рубашку, подошел к окну. Метрах в пятистах, прямо на дороге, там, где между идущими с обеих сторон рядами тополей образовался внушительный просвет, приземлился небольшой вертолет. От него к особняку направлялись два человека.

Тьери... Ник обреченно вздохнул и, забросив на плечо рубашку, пошел в ванную.

* * *

– Очень, очень милое место, – разведчик обвел одобряющим взглядом выложенные из грубо отесанного камня, завешанные выполненными под старину гобеленами стены. – Ощущение, как в средневековом замке.

– Особняку чуть больше двухсот лет, – Ник поставил на стол старинный медный кофейник и корзинку с круассанами. – Мой дед купил его сразу после войны.

– У него определенно был вкус, – Тьери сделал несколько глотков кофе, поморщился и поставил чашку на стол. – А вот над приготовлением кофе вам еще надо поработать. Как и над воспитанием в себе должного чувства ответственности перед Францией. Почему вы игнорируете мои звонки и электронные почту?

– Послушайте, я сделал все, что вы просили. Теперь я хочу вернуться к семье, к нормальной жизни. Все закончилось. Модератора для контакта с Сингулярностью нет. Чего вы сейчас от меня хотите?

– Я вас понимаю и сожалею, что именно вы оказались в гуще событий, от которых может зависеть судьба страны, а возможно, и всего мира. Именно поэтому я прилетел сюда сам, а не послал за вами своих агентов. Нам все еще нужна ваша помощь, доктор Ривье. Вы новости смотрите?

– Нет, – безразлично покачал головой Ник.

– А зря. В мире, вернее, в Европе и США происходят очень неприятные события, которые мы можем косвенно связать с тем, что произошло с вами в пещере в китайском монастыре.

– И что случилось на этот раз?

– У нас значительно повысился индекс агрессивности населения. Особенно в Германии и Франции. Люди ведут себя неадекватно, малейшую бытовую проблему превращают в полно-

ценный конфликт, который заканчивается насилием. Любое вмешательство полиции воспринимается в штыки, население выходит на улицы и начинает громить все вокруг. И это на фоне неутрачиваемых беспорядков, вызванных новостями о том, что США хотели уничтожить Европу. Сейчас у нас волнениями охвачены почти все крупные города. Ситуацию пока удается держать под контролем, но, если так пойдет дальше, правительства могут принять решение о применении летальной силы. В Америке ситуация значительно хуже. Похоже, Штаты стоят на грани полноценной гражданской войны.

– Чем я могу вам помочь? – без особого энтузиазма спросил Ник, понимая, что ему в любом случае придется сделать то, что от него хотят.

– Мы подозреваем, что эта вспышка агрессии может быть спровоцирована вашим контактом с Сингулярностью. Во всяком случае, так утверждает профессор Лесовский. У нас нет специалистов, достаточно продвинутых для того, чтобы заниматься этой темой самостоятельно, поэтому мы приняли предложение русских о дальнейшем сотрудничестве, – Тьери сделал небольшую паузу и, с сомнением посмотрев на стоящую перед ним чашку кофе, продолжил: – Вы можете помочь в подтверждении или опровержении этого предположения. По-видимому, у русских уже давно запущена какая-то программа по изучению и развитию возможностей мозга и они достаточно продвинулись в этом направлении. Лесовский утверждает, что до определенного уровня может выполнять роль модератора. Во всяком случае он постарается простимулировать ваши воспоминания о контакте с Сингулярностью. Он уверен, что у вас в сознании должен был остаться отпечаток, который поможет разобраться в произошедшем. Вам никуда не надо будет ехать. Мы можем привести профессора сюда.

– Здесь моя семья. Не надо сюда никого тащить, – Ник нервно повел плечами. – Сколько это займет?

– День. Если Лесовский согласится провести сеанс во Франции.

– Хорошо. Только давайте не тянуть с этим. Я хочу поскорее забыть все, что случилось за последние пару недель.

– Поверьте, нам самим хочется как можно быстрее закончить это дело. Уж слишком оно пугает руководство страны. Я с вами свяжусь через несколько часов. Только отвечайте, пожалуйста, на звонки, – разведчик, скупно улыбнувшись, поднялся со стула и направился к двери.

Когда вертолет Тьери скрылся за присыпанной снегом рощей, Ник отвернулся от окна и увидел стоящую в дверях Лиз.

– Опять? – тихо спросила она.

– Опять, – ответил он грустным кивком. – Мне надо будет отъехать на день.

– Понимаю, – Лиз подошла и обняла его.

Пытаясь унять нахлынувшую тревогу, ученый провел рукой по ее волосам, вдохнул их аромат и, прислонившись щекой к их шелковистым прядям, закрыл глаза. В его сознании открылась какая-то тайная дверь, он осторожно заглянул в нее и увидел то, что ожидал – звездное небо, густо исполосованное молниями, исчезло, вместо него в пространстве опять в медленном танце величественно изгибались нити Сингулярности, испускающие заполненный мириадами искр теплый радужный свет.

США. Вирджиния. Болстон. Штаб-квартира DARPA

Директор *DARPA* подозрительно разглядывал чип-карту с президентским гербом, на которой красовалась голографическая фотография Адамса.

– Давно я не видел допуска такого высокого уровня, – он уважительно покивал головой и приложил карту к сканеру своего смартфона. Тот, подождав несколько секунд, одобрительно пикнул и вывел на экран подтверждающее ее подлинность сообщение. Директор поднял глаза на спокойно наблюдавшего за ним гостя. – Извините, сэр, ввиду особой секретности нашей работы я должен еще раз проверить ваш допуск. И будьте добры, вашу служебную *ID*³.

Безразлично пожав плечами, Адамс передал директору свой жетон оперативного управления ЦРУ.

– Контрразведка... – директор одобрительно кивнул и, просканировав обе карты, отправил в отдел безопасности сообщение для проверки. – Это займет несколько минут. А пока позвольте поинтересоваться причиной столь необычного запроса.

– У нас есть подозрение, что против США было применено психотронное оружие, – решив не ходить кругами, напрямую выложил свою версию Адамс. – Отсюда повышенная агрессивность населения, которая поставила страну на грань гражданской войны.

– Вот как? – поднял брови директор. – У вас есть основания для таких подозрений?

– Достаточно, чтобы начать серьезное расследование.

– Насчет серьезности я не сомневаюсь. Судя по допускам, полномочия у вас самые широкие.

На столе тихо завибрировал коммуникатор. Директор потянулся за изящной трубкой и некоторое время молча слушал, бросая на Адамса оценивающие взгляды. Наконец он вернул трубку на место и, уважительно кивнув, сообщил:

– Ваши допуски подтверждены и не вызывают сомнений, мистер Адамс. Сейчас вам будут доступны бумажные копии файлов по интересующим вас программам. Их можно изучить в присутствии одного из наших специалистов, работающих по интересующей вас тематике. Он уже ждет в одном из гостевых офисов. К сожалению, ни копировать, ни выносить эти документы отсюда нельзя даже с вашими допусками. Если понадобится помощь, наш сотрудник ее вам обеспечит.

– Спасибо, сэр, – поблагодарил Адамс и поднялся с кресла.

Ожидавший его сотрудник оказался немолодым уже человеком с немного неряшливой шевелюрой и профессорской бородкой. Судя по двум худым папкам, которые лежали перед ним на столе, исследования по психотронному оружию в *DARPA* либо не велись вообще, либо директор, несмотря на так впечатлившие его допуски, просто решил не делиться имеющейся у него информацией.

– Негусто, – Адамс, представившись, опустился в кресло, подтянул к себе первую папку и пробежал глазами короткое оглавление.

– Да, материала не очень много, – согласившись, кивнул назвавшийся доктором Рингером сотрудник. – Мы в основном работаем с железом: вооружение, информационные системы, связь. Раньше мы более плотно занимались когнитивными системами, но постепенно фокус сместился на то, что может разрушать и убивать. Это как раз то, что нужно Министерству обороны. Так что программы, связанные с мозговой деятельностью, были э... деприоритизированы. Ну и люди тоже разбежались кто куда.

³ ID – идентификационная карта, американский аналог удостоверения личности.

– Послушайте, – Адамс отложил папку в сторону и поднял глаза на собеседника. – Я, конечно, посмотрю эти документы, но давайте вначале просто поговорим. Вот конкретно вы чем занимаетесь? Директор сказал, что вы ведущий специалист по интересующей меня теме.

– Так и сказал? – ученый застенчиво улыбнулся, словно школьник, которого похвалил учитель.

– Да. Доктор Рингер, говорит, один из наших лучших специалистов. Темой владеет на все сто и, если будут вопросы, все разъяснит. Так чем вы занимаетесь?

– Понимаете, я сейчас занимаюсь в основном административной работой, но раньше координировал один очень перспективный и очень секретный проект, – ученый наклонился к сидящему напротив Адамсу и перешел на шепот: – Он коротко описан в материалах из второй папки. Мы работали над повышением стрессоустойчивости солдат во время боя. Моя группа разработала мозговые импланты, которые способны в критических ситуациях подавлять чувство страха. Солдаты становятся более смелыми, решительными, способными совершить настоящий подвиг. Кроме того, наши импланты, если соединить их с определенными центрами головного и спинного мозга, значительно повышают болевой порог. Солдаты могут выполнять задачу, даже получив ранение средней тяжести.

– Не чувствующие боли и страха солдаты. Очень интересно и очень перспективно, – одобрительно улыбнулся агент. – А психотронным оружием вы не занимались?

– Нет. Насколько я знаю, у нас по этой тематике вообще никто не работал. Опосредованное влияние на человеческий мозг, да еще в рамках больших групп людей – это дело далекой перспективы. С мозгом вообще все сложно. Вот когда мы делали первые прототипы имплантов...

– Вам наверняка пришлось разбираться в когнитивных методиках, в центрах мозговой активности, искать безинвазивные способы их стимуляции или подавления, – перебил ученого Адамс, которому не хотелось выслушивать лекцию про импланты, делающие американских солдат на поле боя послушными, не знающими боли и страха идиотами. – А для этого у вас должен быть доступ к соответствующим научным разработкам и люди, которые в этом во всем разбираются. Значит, должны быть смежные с вашим проекты или рабочие группы. У вас ведь наверняка кто-то еще работает с мозгом.

– Сейчас вряд ли – покачал головой Рингер. – Но несколько лет назад у нас было два проекта. Первый назывался *COTTVAS*⁴. Его целью было создать прямой интерфейс между компьютером и мозгом для моментальной обработки данных, поступающих с поля боя, и принятия решений на подсознательном уровне. Таким интерфейсом предлагалось оснастить пилотов и бойцов специальных операций.

– Вот мы вышли на подсознание. Это уже хорошо. И что случилось с проектом?

– Исследования заморозили. Помню, проект вел профессор Майлз из Массачусетского технологического института. После нескольких неудачных опытов на людях его то ли перевели на другую тему, то ли исследования вообще зашли в тупик. У нас так часто бывает. Хорошо, если из сотни идей срабатывает одна. Вот и со вторым проектом получилась та же история. Он назывался *SYNAPSE*⁵. Там ребята пытались построить когнитивный компьютер, который работал бы как человеческий мозг. Большой был проект, серьезный. Ведущие ученые и разработчики были подключены из *IBM*, *HP* и Стэнфордского университета. И ведь зашли далеко. Их машина в одно время даже приблизилась по параметрам к мозгу приматов.

– Что произошло? Обрезали финансирование?

⁴ Cognitive Technology Threat Warning System – интерфейс компьютер-мозг, основанный на анализе сенсорных данных из множественных источников и подсказке вариантов наиболее эффективных действий в боевой обстановке.

⁵ Systems of Neuromorphic Adaptive Plastic Scalable Electronics – программа создания цифровых сетей, имитирующих структуру и активность нейронов человека.

– Нет. С деньгами у них как раз все было в порядке, – уверенно ответил Рингер. – Но руководитель их группы начал уводить исследования в другом направлении, настаивал, что в процессе работы с искусственным мозгом ему удалось зарегистрировать проявление некой новой энергии. Он называл ее пси-полем и был просто помешан на этой идее. Утверждал, что можно сделать беспроводной пси-интерфейс между человеческим мозгом и компьютером и объединить вычислительную мощь машины с креативными возможностями человека. Он втайне начал использовать средства, выделенные на *SYNAPSE*, чтобы проводить свои собственные исследования. Это стало известно руководству, и его отстранили. А без ведущего ученого, которого многие считали гением, такая тема постепенно заглохла. Сам он вернулся в Стэнфорд, но потом куда-то исчез.

– А как звали этого гения?

– Профессор Эштон Кравиц.

«Посмотрим, что это за Кравиц», – подумал Адамс и потянулся за очередной папкой.

В файлах *DARPA* действительно не оказалось ничего интересного. Похоже, исследования вроде психотронного оружия Министерство обороны совсем не интересовали. Ну, на сколько потянет установка, способная влиять на поведение людей? Десять миллионов долларов? Пятьдесят? В лучшем случае – сто. А авианосец стоит больше пятнадцати миллиардов, это без учета проектных работ. Или разработка нового истребителя – под тридцать миллиардов. Вот это бюджеты! Здесь есть чем поживиться. К тому же таких авианосцев оказывается надо десяток, а истребителей – около тысячи. И их, кстати, надо еще обслуживать на протяжении десятков лет. А еще подводные лодки, ракеты, танки, вертолеты. В Америке самое дорогое оружие в мире, самые богатые корпорации, производящие вооружение, и самое коррумпированное Министерство обороны. Им не нужна установка за сотню миллионов долларов, которая может решить исход войны за несколько минут. Нет. Им надо каждый год тратить по семьсот миллиардов на железо, почти открыто набивая при этом собственные карманы.

Под такие невеселые мысли Адамс бегло пролистал скудные материалы *DARPA* по проектам, связанным с мозгом, и в самом конце наткнулся на одну очень интересную ссылку. В 1996 году в Пентагоне было создано Объединенное управление по нелетальному вооружению, в структуру которого входил отдел по разработке и противодействию психотронному оружию. Хотя это и было 28 лет назад, он отметил этот факт в памяти.

Несмотря на минимум полученной информации, визит в *DARPA* все же был не напрасным. У Адамса появилась наводка на спецотдел в Пентагоне и имя профессора, который мог бы очень помочь разобраться с тем, что происходит с мозгами американцев.

Зацепка за Пентагон ничего не дала. Отдел по психотронному оружию проработал всего семь лет. В 2003-м тема была передана в *DARPA*, где растворилась в других проектах и постепенно была забыта.

Бегло просмотрев архивы отдела, хранящиеся в Министерстве обороны, Адамс наткнулся на знакомую фамилию. Совсем недавно Эштон Кравиц несколько раз запрашивал материалы по разработкам двадцатилетней давности, причем последние запросы были сделаны около полугода назад, когда он уже не работал над проектом *SYNAPSE*. Значит, профессор все еще активно занимается темой. Это делало его одной из основных целей.

Выяснилось, что Эштон Кравиц оказался фигурой, не стесняющей себя в общении. Он обильно наследил и в интернете, и в соцсетях, и в научной периодике. Но около года назад профессор неожиданно пропал. Никакой цифровой активности, никакой активности по банковским счетам и страховкам. Человек полностью исчез с экрана радара. Это выглядело странно для столь тщеславного и амбициозного ученого и могло означать, что он либо оставил этот мир, причем сделал это так, что никто ничего не заметил, либо очень хорошо зашифрован. А вот причина такой шифровки могла крыться в его научной работе, а именно в исследованиях в области пси-поля, на которых он был помешан последнее время. Но как бы ни шифровался

человек в этом мире, он все равно оставляет за собой невидимые следы, по которым всевидящее око разведслужб может его локализовать. Спасти от пристального взгляда помогла бы только полная смена идентичности, но Кравиц до этого не дошел. Поэтому в течение часа после своего запроса Адамс получил полную информацию о местоположении и работе ученого.

Оказалось, что профессор работает на крупную частную фармацевтическую компанию. У него своя лаборатория в Сан-Франциско, серьезный бюджет и солидный штат из лучших специалистов, собранных со всего мира. Тема исследований – разработка и испытание следующего поколения антидепрессантов.

Прочитав эту короткую справку, Адамс скептически хмыкнул. Антидепрессанты... Как же. По-настоящему гениальный ученый из-за своих идей бросил престижную работу в *DARPA*, о которой другие могут только мечтать, оставил кафедру в Стэнфорде и теперь ковыряется в химических формулах, чтобы произвести на свет очередную таблетку, выводящую из перманентной депрессии американских домохозяек, задолбанных психотерапевтами и сопливыми сериалами. В это верилось с трудом.

Однако Адамс совсем не удивился, когда на срочный запрос о роде деятельности профессора из фармацевтической компании пришел моментальный ответ, подтверждающий официальную тему его разработок. Не удивился он и докладу одного из сотрудников калифорнийской станции ЦРУ, который лично побывал в лаборатории профессора и сообщил, что все выглядит так, как будто тот действительно работает над антидепрессантом. Станным было то, что лаборатория и персонал, который показали агенту, находились в другом крыле исследовательского комплекса в трехстах метрах от того помещения, где Кравиц, судя по камерам, фиксировавшим его передвижение, и геолокации его смартфона, проводил большую часть своего времени. Создавалось устойчивое впечатление, что фармацевтическая компания пытается скрыть то, чем профессор занимается на самом деле.

Справедливо полагая, что личная беседа может многое прояснить, Адамс приказал коллегам из Калифорнии взять ученого под плотный колпак. Он быстро проверил сводки по ситуации в Сан-Франциско и, убедившись, что армейская операция идет в самом городе и аэропорт контролируется военными, вылетел в Калифорнию в сопровождении двух проверенных оперативников из управления контрразведки.

Уже на подлете к аэропорту ему сообщили, что фармкомпания начала вывозить оборудование из крыла исследовательского комплекса, где предположительно находилась настоящая лаборатория профессора Кравица. Такая спешная эвакуация была очень похожа на попытку скрыть реальный предмет исследований ученого.

Недобро ухмыльнувшись, Адамс набрал шефа станции ЦРУ в Калифорнии и, пользуясь своим не знающим границ допуском, попросил подготовить штурмовую тактическую группу и прислать за ним в аэропорт вертолет.

* * *

Небольшой частный самолет, на котором летел Адамс и два его напарника, военные развернули еще на дальнем подлете к аэропорту, ссылаясь на то, что все полосы забиты военными транспортом, разгружающим людей и технику. Садиться пришлось в более спокойном Окленде, расположенном на восточном берегу залива. При заходе на посадку были хорошо видны дымы пожарищ, висящие над центром Сан-Франциско, и мелькающие на их фоне силуэты ударных вертолетов, изредка выплывающие вниз тонкие нитки трассеров или похожие на иглы шлейфы неуправляемых ракет. В городе шел бой. Кто с кем воевал, выяснять не было смысла. Может, военные давили повстанцев, может, те резались между собой, давая армейской авиации возможность потрепать их с воздуха.

Недовольно сжав губы, Адамс открыл на планшете страницу с оперативной картой. Юг Сан-Франциско полностью контролировался военными, но в северной части и центре успели плотно закрепиться вооруженные группировки «сопротивления». Исследовательский центр фармакологической компании располагался на юге в относительно спокойном районе в обширной парковой зоне между озером Сан-Андреас и трассой 280, так что, можно сказать, ученым повезло, что их не разграбили и не перебили в первые пару дней беспорядков.

Самолет мягко коснулся полосы и, плавно погасив скорость, вкатился на одну из дальних боковых стоянок, где в некотором беспорядке выстроились около десятка военных вертолетов. Бросалось в глаза, что многие из них были испещрены множественными отметинами от пуль, а в некоторых зияли рваные отверстия, оставленные огнем крупнокалиберных пулеметов. Было ясно, что военным тоже приходилось несладко.

Небольшой четырехместный вертолет уже ждал их на соседней стоянке, и через несколько минут Адамс и его небольшая команда снова были в воздухе.

– У нас возникли небольшие проблемы, сэр, – пилот, который, судя по жетону, был штатным агентом, повернулся к вашингтонскому гостю и постучал по своему шлему. Адамс снял с панели массивные летные наушники, надел их и включил гарнитуру внутренней связи. – На месте нам было оказано вооруженное сопротивление.

– Твою мать! – выругался цэрэушник. – Потери?

– Потерь нет. Времени на подготовку не было. Пришлось импровизировать. Мы высадились с вертолетов прямо на место погрузки оборудования лаборатории и блокировали периметр у северного крыла исследовательского комплекса. В это время на нас навалилась местная охрана и какие-то частники. Бойцов, конечно, яйцеголовые наняли себе стоящих. На обычных охранников не похожи. Экипировка армейская, оружие – позавидовать можно. Скорее всего, боевая ЧВК⁶.

– Вы предупредили, что это федеральная операция?

– Да. Босс связался с директором центра. Переслал приказ, что мы прекращаем погрузку и берем под контроль оборудование лаборатории и всех, кто в ней находился. Но тот начал лепетать что-то про адвокатов и частную собственность. Послал нас, короче... Еще бы. Я бы в этом бардаке да с такой охраной тоже любого послал бы. Но наши парни уже были в воздухе, и босс не стал отменять приказ, а просто предупредил, что, если будет оказано сопротивление, мы там все нахрен с землей сроняем. Наши группы высадились прямо на стоящие под погрузкой фуры. Яйцеголовые даже мяукнуть не успели. Очистили там все. Ученых согнали внутрь. Периметр выставили и все такое. Тут прикатила охрана. Ну и пришлось пострелять. Правда, в воздух. Ребята из охраны хоть и бывшие военные, но бошки у них не совсем отбиты. Поняли, что не все так просто.

– Какой сейчас статус? Сколько у вас людей? – задал вопрос Адамс.

– На месте у нас 11 оперативников плюс 2 агента. Ребята проверенные. Работают давно. У противника наружная охрана человек тридцать. Сколько внутри здания мы не знаем. Сейчас наши контролируют груз и лабораторию. Охрана выставила оцепление. Директор центра на связи с руководством. Говорит, что решит вопрос через Вашингтон. У них там наверняка все куплено. У фармкомпании денег немеряно. Только вот хрен что они купят. Наш босс сел на коня. Нас так в Калифорнии еще никто не посылал. Так что он поднял один из наших ударных беспилотников с базы в Ванденберге и попросил у военных один не менее ударный вертолет. Но пока ничего предпринимать не стал. Ждали вас, сэр.

– Кто руководит операцией?

– После стычки с охраной босс сам принял командование. Но теперь, когда вы здесь... – пилот неопределенно пожал плечами и добавил: – Четыре минуты до цели, сэр.

⁶ Частная военная компания.

Чувствуя, что ситуация развивается по кризисному сценарию, Адамс связался с директором станции ЦРУ и принял руководство операцией на себя. Еще он получил от него командные коды связи с оператором беспилотника и «Апачем», который в ожидании приказа нарезал круги в двух километрах от исследовательского центра. Затем он попросил своего пилота сделать над центром несколько кругов, чтобы сориентироваться на месте, и уточнил обстановку на земле у командира группы оперативников, блокировавших эвакуацию оборудования.

Расстановка сил внутри комплекса изменилась мало. Тактическая группа ЦРУ блокировала лабораторию, а вооруженные до зубов охранники из ЧВК окружили их самих. Директор центра засел в своем кабинете и не слезал с телефона, видимо, в ожидании инструкций из головного офиса. Все говорило о том, что, даже ценой конфликта со стрельбой, фармкомпания хочет предотвратить засветку проекта, над которым работал Кравиц.

Быстро осмотревшись, Адамс проверил связь с оператором беспилотника и пилотом ударного вертолета, распределил между ними основные и второстепенные цели и попросил посадить свою вертушку прямо на дорогу у центрального КПП.

Им навстречу вышли два вооруженных штурмовыми винтовками охранника в тяжелом боевом обвесе, третий отошел за невысокое бетонное ограждение и не раскладывая сошки положил на него пулемет, чтобы в случае чего прикрыть своих товарищей.

– Федеральный агент Адамс. Центральное разведывательное управление, – представился цэрэушник, сунув под нос одному из охранников жетон с удостоверением, и сделал движение головой в сторону двух своих людей, остановившихся в нескольких шагах сзади. – Эти двое со мной.

– Сэр, это частная территория... – начал боец, но Адамс резко его перебил.

– Заткнись! Мне нужна связь с твоим командиром. Сейчас!

– Сэр, у нас приказ... – опешил от неожиданного напора боец, но Адамс снова не дал ему договорить.

– Мне насрать на твой приказ, – злобно сверкнув глазами, прорычал он. – Вмешавшись в федеральную операцию, вы нарушили закон. Если ты хочешь выйти отсюда, не смывая дерьмо со своих штанов и не соскребая с асфальта кровавые ошметки своих товарищей, ты дашь мне сейчас своего командира.

Вконец ошарашенный боец нервно пожал плечами и в нерешительности оглянулся на своего товарища. Тут на его плече ожила рация.

– Сод, дай ему связь и вернись на пост. Всем перейти на запасную частоту, – услышал Адамс по связи приказ командира охраны. Боец отстегнул рацию от гарнитуры и, отцепив ее от крепления на бронезилете, протянул агенту. – Агент Адамс, здесь полковник Брукс. У меня согласованный на уровне министра юстиции приказ охранять от любого посягательства территорию, персонал и оборудование этого исследовательского центра.

– Полковник, мои полномочия подтверждены особым приказом президента США. Допуск могут проверить твои бойцы, охраняющие КПП. Это федеральная операция в целях национальной безопасности. Вы можете продолжать выполнять свою задачу, но я реквизирую оборудование лаборатории номер 4, опечатаю ее помещения и заберу ключевой персонал. Вы ничем не рискуете, в вашем контракте найма наверняка есть положение, снимающее с вас ответственность при вмешательстве властей. Это как раз такой случай.

– А если я не дам вам этого сделать? – в голосе полковника даже по рации были слышны нотки сомнения.

Вместо ответа Адамс достал свой смарт и быстро набрал короткую цифровую команду.

– Агент Адамс, я задал вопрос, – снова прозвучал голос полковника, на этот раз настроенный и нетерпеливый

– Я принял ваш вопрос, – сурово произнес цэрэушник. – Наблюдайте за ответом.

Секунду ничего не происходило, потом на внушительной, наполовину заполненной машинами парковке, расположенной на территории центра сразу за КПП, быстрой серией прогремели пять взрывов. В наполнившийся огнем, дымом и грохотом воздух влетели куски кузовов, колеса и ошметки сидений.

– Полковник, речь действительно идет о национальной безопасности, – Адамс снова поднес к лицу рацию. – Я все равно получу то, что мне надо, даже если мне придется перебить всех ваших людей и сровнять с землей этот долбаный рассадник яйцеголовых.

– Твою мать, Адамс! Нахрена устраивать этот фейерверк? – почти прокричал в рацию полковник. – Можно было сразу сказать, что у вас поддержка военных с воздуха. Я не идиот, понял бы все сразу. Там ведь могли быть мои люди.

– Слова не могут произвести такой же эффект, как короткая очередь из 30-мм пушки.

– Все! Разбирайтесь сами. Я отдаю приказ своим людям не вмешиваться.

– Правильное решение, Брукс. В своем докладе я отмечу ваше содействие операции, – довольно хмыкнул агент и передал рацию одному из стоящих сзади оперативников, наблюдая, как от центрального входа в корпус лабораторий к КПП по короткой аллее приближается небольшой электрокар, один из тех, что обленившиеся сотрудники богатых фирм часто используют для перемещения по территории. – А вот и начальство.

Резво развернувшись у ворот КПП, электрокар остановился. Из него, поправив дорожный костюм, выскочил невысокий худощавый лысый красавчик неопределенного возраста из тех, что питаются только морковкой, брокколи и сельдереем, раз в полгода делают подтяжку на лице, чтобы выглядеть на 20 лет моложе, и спят с молоденькими латинскими мальчиками.

– Вы кто? – заорал он, не выходя за шлагбаум. – Что вам надо? Что это были за взрывы?

– Пойдем объясним этому дрыщу кто мы, – махнул рукой оперативникам Адамс и решительно зашагал к КПП.

Створка ворот поползла в сторону, видимо, охранники уже получили приказ от своего командира не препятствовать операции.

– Вы что делаете, идиоты? – возмущенно прокричал красавчик, повернувшись к засевшим в стеклянной будке КПП бойцам. – Я же приказал никого на территорию не пускать.

– Я федеральный агент, – Адамс даже не потрудился достать жетон с удостоверением. – Здесь идет федеральная операция.

– Доктор Ривкин, директор этого исследовательского центра и вице-президент компании по науке. Вы не имеете права! Это частная территория! Кем бы вы ни были – ваша карьера закончена! У нас закрытый исследовательский центр под протекцией губернатора Калифорнии и десятка конгрессменов. Если вы войдете на территорию, я отдам приказ охране открыть огонь.

– Ну-ну, – цэрэушник не сбавляя шаг прошел за ворота, схватил директора за лацкан пиджака и, чуть поморщившись от ударившего в нос запаха дорогих духов, прошипел: – Слушай меня, напомаженная сучка. Я сейчас пройду к своим людям у четвертой лаборатории, мы заберем что и кого надо и тихо отсюда свалим. Если ты или твои люди будут мешать, я вас передавлю, как вонючих тараканов.

– Это возмутительно! Как вы смеете! – ошалело завертел головой Ривкин, уже давно привыкший к тому, что место в совете директоров фармацевтической корпорации не только дает ему солидные деньги, полезные связи в верхних эшелонах власти, но и обеспечивает всеобщее уважение. – Это насилие! Нарушение моих гражданских прав! Я вас уничтожу! Наши юристы уже доложили губернатору о нападении и сейчас встречаются с конгрессменами в Вашингтоне.

Возмущенный директор потянулся за смартфоном, но Адамс аккуратным движением перехватил его руку.

– Звони, кому хочешь, только не вертись под ногами, – цэрэушник легко оттолкнул Ривкина, и тот на секунду замер с открытым от возмущения ртом в гротескной позе со смартфоном в одной руке и рацией в другой.

– Вы за это ответите! Я вас уничтожу! – отойдя от шока, наконец завизжал он.

Агент остановился, повернулся Ривкину и, тяжело вздохнув, перевел взгляд на стоящих за ним своих оперативников.

– Хотя нет. Я передумал. Взять его! И в вертолет. Я его допрошу позже, – отдал он приказ своим людям и зашагал к лаборатории.

– Как взять! Как допрошу! – сорвался на визг директор, когда один из оперативников бесцеремонно закрутил ему назад руки и защелкнул на них наручники. – Вы что! Меня нельзя взять! Я же вице-президент!

Не оборачиваясь, Адамс брезгливо поморщился и, достав из кармана спутниковый телефон, вызвал командира тактической группы, контролировавшей четвертую лабораторию и пару фур, в которые грузилось оборудование.

Полковник Брукс сдержал свое слово. Его бойцы разблокировали подходы к лаборатории и часть крыла здания, где она находилась, и вернулись к охране периметра. Когда Адамс подошел к фурам, стоящим под погрузкой, оперативники все еще были на позициях, внимательно следя за всем, что происходит вокруг.

– Ну... И из-за чего вся эта песня? Показывайте, – обратился он к вышедшему поприветствовать его командира группы. – Что в контейнерах?

– А хрен его знает, – тот с видимым облегчением тряхнул протянутую агентом руку. – Спасибо, что разгребли это дерьмо. Стрелять в своих как-то не в кайф. А груз – опломбированные алюминиевые ящики разных размеров. А вон в той, что уже готова к отправке, стационарная криосистема и система поддержания жизни, подключенная к четырем контейнерам. Это вообще не фура, а целая лаборатория. Сами посмотрите.

– Посмотрю. Контейнеры размером с человека? Может, они над людьми здесь эксперименты проводят?

– Нет. Металлические кубы метр на метр.

– Где персонал лаборатории? – Адамс заглянул в выставленное широкое панорамное окно, через которое грузилось оборудование.

– Взяли шесть человек. Два важных яйцеголовых, остальные, похоже, лаборанты или еще какая мелочь. Они во внутреннем помещении.

– Кравиц среди них?

– Нет. Во всяком случае, беджа с таким именем мы не нашли. И на имя никто не отзывался. Мы их, похоже, немного напугали.

– Ладно. Хорошая работа, ребята. Молодцы, что не сорвались и не превратили операцию в мясорубку. Продолжайте погрузку. Да, и фиксируйте все, что видите, регистраторы. – Агент одобряюще хлопнул командира группы по плечу и достал рацию, переданную ему охранником на КПП. – Брукс! Здесь Адамс. На связь!

– Брукс на связи.

– Мне нужен доктор Кравиц.

– Вашу мать! Я не знаю, кто такой Кравиц.

– С начала погрузки кто-нибудь покидал периметр?

– Конечно. Они шастают туда-сюда, как тараканы.

– И все через основное КПП? – хмыкнул в рацию Адамс.

– Понял тебя. Дай мне пару минут, – проворчал полковник и отключился.

Сунув рацию в карман куртки, Адамс направился к стоящей рядом фуру. Он забрался внутрь и присвистнул от удивления. Обычный с виду шоссейный грузовик внутри сиял стерильной чистотой и был похож на хорошо оборудованную современную лабораторию. В

глубине тихо урчала автономная генераторная станция, рядом за толстым стеклом располагалась криоустановка, это было видно по легкому инею на закрытых толстым стеклом массивных металлических цилиндрах. Сбоку справа опять же в стеклянной камере находилось несколько комплексов сложного медицинского оборудования. По-видимому, система поддержания жизни, о которой говорил командир оперативников. От медицинского блока к четырем металлическим контейнерам, закрепленным рядом на стеллажах, тянулись широкие гофрированные трубы и тугие скрутки проводов. Рядом была установлена станция контроля и мониторинга параметров с несколькими широкими интерактивными экранами, а ближе ко входу – закрытые металлические стеллажи и шкафы.

Оценивая покивав головой, Адамс подошел к одному из кубических контейнеров.

Где-то в глубине сознания шевельнулось предчувствие чего-то важного. Оно отозвалось в мозгу тонким стеклянным звоном и чуть заметным головокружением, как будто он залпом выпил полный стакан виски. Агент настороженно осмотрелся, повернулся к выходу, чтобы убедиться, что охранник его контролирует. Опасности вроде не было. Пытаясь разобраться в ощущениях, агент нахмурился и потрянул головой. Звон в ушах пропал, голова прояснилась. Адамс еще раз внимательно осмотрел оборудование, подошел ближе к контейнеру и осторожно приложил руку к его оказавшейся странно теплой стальной поверхности. По телу прошла волна необычного жара, как будто резко, до уровня лихорадки поднялась температура, в мозгу на высокой ноте раздался тонкий писк, прерываемый серией шелчков. Агент в одно мгновение оказался погруженным в толщу прозрачной морской воды, пронизанной яркими полосами бьющих сверху солнечных лучей. Он понял, что задыхается, начал яростно грести вверх, где по поверхности воды ласково плескались блики яркого тропического солнца. Но было слишком глубоко. От недостатка кислорода голова закружилась, перед глазами поплыли темные пятна, и Адамс понял, что не выплывет. Уже потеряв надежду на спасение, он вдруг почувствовал мягкий, но сильный удар снизу. Потом неизвестная сила подхватила его и одним мощным рывком вытолкнула на поверхность. Он жадно, с надсадным хрипом втянул в легкие горячий тропический воздух, наполненный солеными брызгами, и, широко открыв глаза, увидел висящее в зените солнце, заливающее бесконечную гладь южного океана своим ослепительным светом. Затем по небу расплылись бесформенные чернильные пятна и все исчезло.

– Что, мать вашу, здесь произошло? Какого хрена он отрубился! Дай сюда иньектор! – послышался в темноте полный тревоги и раздражения голос.

– Босс, что ты ему будешь колоть? Мы же не знаем, что с ним. Давай подождем медика. Если эта вашингтонская шишка тут окочурится, нам всем гланды вырвут. Видел, как перед ним все стелются.

– Заткнись, – Адамс узнал голос командира тактической группы. – Ты стоял у входа. Должен был видеть, что произошло.

– Я обернулся только, когда он уже повалился на пол без сознания.

– Твою мать, где здесь стимулянт? Так... Пульс немного учащен. Адреналина вколоть, что ли?

– А может, он эпилептик? – предположил боец.

– Не надо ничего колоть, – открыв глаза, простонал Адамс. – Вроде отпустило.

– Что это было, сэр? На вас напали? – командир помог ему сесть.

– Нет, – агент помотал головой, разгоняя последние остатки слабости. – Я просто дотронулся до этого контейнера, потом, наверно, потерял сознание. Это было, как тепловой удар, только с галлюцинациями.

– До этого контейнера? – спросил стоящий за командиром оперативник и потянулся к металлическому кубу.

– Нет! Не трогай! – прокричал цэрэушник, но боец уже приложил ладонь к его стальной поверхности.

– Контейнер как контейнер. Только поверхность теплая, – оперативник убрал руку и посмотрел на свою ладонь. – Нормально вроде.

– Так! Закрыть здесь все, опечатать и выставить охрану. Как только мои люди закончат осматривать лабораторию, я одного из них пришлю сюда. Ускорьте погрузку, нам надо поскорее валить отсюда с этим грузом. – Адамс, опершись на руку командира, поднялся с пола и достал рацию: – Брукс!

– Адамс, я пытался связаться с вами, но вы не отвечали, – ответил по связи командир наемников. – Доктор Кравиц прибыл в исследовательский центр вчера утром. Территорию центра не покидал. Во всяком случае, чип-сканеры его не зафиксировали.

– Значит он здесь?

– Скорее всего. Мои бойцы охраняют кабинет директора. Они говорят, что, как только вы начали захват, к Ривкину прибежал какой-то важный ученый. Он и сейчас там.

– Спасибо за помощь, полковник. Если это Кравиц, я сейчас его заберу.

– Не за что. Мне никогда не нравились яйцеголовые. Все проблемы в мире от их. Ну и от вас – долбанных «галстуков»⁷.

Через минуту Адамс с двумя своими людьми ввалился в кабинет директора, где в глубоком кресле с кружкой кофе в руке расслабленно сидел одетый в белый халат лысый крепыш.

– Долго же это все у вас занимает. Я думал, вы раньше закончите. Но не стойте в дверях, господа. Проходите, садитесь. Может, кофе? – ученый сделал приглашающий жест в сторону стоящего на столе термоса.

– Доктор Кравиц, – Адамс с решительным видом прошел в кабинет и повалился в кресло напротив него. – У нас к вам есть несколько вопросов.

– Я к вашим услугам, господа, – довольно улыбнулся тот и, сделав небольшой глоток из своей кружки, потянулся к корзинке с имбирным печеньем, стоящей на столе рядом с термосом.

⁷ Презрительное прозвище агентов ЦРУ среди военных.

Франция. Предместье Парижа

Лесовский прилетел не один. С ним была Татьяна. Ник даже обрадовался, когда увидел ее, надеясь в глубине души, что она не позволит причинить ему вред. Сеанс было решено провести в загородной резиденции *DPSD*⁸, расположенной в небольшом шато⁹ времен Наполеона, спрятавшемся посреди обширного участка, большую часть которого занимала дубовая роща. Место было тихое, и, если бы не ограда, по которой был пропущен ток, натканные везде камеры наблюдения и вооруженная автоматами охрана с собаками, можно было бы подумать, что ты оказался где-то во французской глубинке.

Судя по тому, что они были единственными гостями этой ВИП-резиденции, а также по той скорости, с которой разворачивались события, французы относились ко всему, что происходит вокруг Сингулярности, очень серьезно.

С сеансом было решено не тянуть. Сразу после приезда Лесовский заперся в своей комнате, чтобы подготовиться, а Ник с Татьяной пошли прогуляться по широким, усыпанным гравием дорожкам, выписывающим замысловатые петли среди многовековых дубов.

– Нам так и не удалось поговорить тогда в Китае, – Татьяна шла рядом, чуть касаясь его руки своим локтем. – Контакт в пещере... Как это произошло? Что ты чувствовал?

– Не помню, – Ник шел, опустив голову, задумчиво наблюдая, как его ботинки приминают мелкий гравий дорожки. – Я взглянул на мумии, потом на монаха – и почти сразу же открылась Сингулярность. А дальше не помню. Майк говорит, я повалился на бок, и они меня с монахом поддержали, усадили на пол. Ты действительно думаешь, что нам удалось связать все индивидуальные сознания людей в единую ментальную сеть?

– Не знаю. Лесовский говорит, что именно это и произошло. Ты открыл канал к Сингулярности, получил оттуда крупицу энергии, монах транслировал ее мумиям, а те, усилив ее своим сознанием, создали ментальную вспышку, которая на миг активировала клауструмы всех людей на планете. Если серьезно относиться к тому, чем мы сейчас занимаемся, то до этого момента все понятно. Дальше профессор утверждает, что сознания людей опять же на неизмеримо короткий промежуток времени слились в нечто, напоминающее единое сознание человечества, и оно изменило материальный мир. Хотя я теперь толком не знаю, что можно называть материальным миром. По его словам, это изменение было результатом неосознанного желания большинства людей на планете. Он утверждает, что происходящее сейчас в Штатах является выражением неосознанного коллективного желания человечества.

– Но ведь в Китае Лесовский сказал, что люди выбрали мир, – Ник повернулся и быстро взглянул на Татьяну.

– Да. Я помню. Он именно так и сказал, – ответила она, спокойно встретив его взгляд. – Тебя беспокоит насилие в Америке. Ты думаешь, как это может быть связано с миром. А по моему, все очень просто. Если желанием человечества является мир, то надо устранить препятствие, стоящее на его пути. И, судя по всему, большая часть человечества уверена, что это препятствие – США. Именно в Америке люди видят реальную угрозу миру. Ну, может, кроме двух десятков европейских вассалов Вашингтона. Если это предположение верно, то в результате твоего контакта с Сингулярностью неосознанное желание пяти миллиардов человек достичь мира повлияло на сознание жителей США, выпустив на волю их агрессивность, которая и привела к гражданской войне. Лесовский и его команда опросили несколько десятков клиник, специализирующихся на неврологии. Врачи говорят, что как раз во время твоего

⁸ Direction de la protection et de la sécurité de la défense – служба военной контрразведки Франции.

⁹ фр. «chateau» – замок.

контакта был зарегистрирован необычный всплеск активности мозга у сотен пациентов. Этот всплеск зарегистрирован и у нас в России, и по всему миру.

– А это не может быть случайностью?

– Нет, – покачала головой Татьяна. – Китайцы тоже зафиксировали этот всплеск. Они, скорее всего, ожидали чего-то подобного, знали, на что обратить внимание, поэтому их аппаратура была настроена более тонко. Возможно, они специально спровоцировали контакт в пещере, не дожидаясь нас. Кто знает... Несмотря на ничтожно малый промежуток времени, который занял всплеск ментальной энергии, они смогли локализовать зону возбуждения мозга. Как и следовало ожидать, это клаустрем. Более того, они смогли записать нейросигнатуру этого измененного состояния. Она сейчас расшифровывается, и есть шанс, что они, в случае удачи, смогут искусственно вызывать такое же возбуждение.

– Неужели они так далеко зашли в изучении клаустрема? – удивленно спросил Ник.

– Не знаю. Они дольше нас занимаются этой темой и могли уже далеко продвинуться. Найти какую-то систему, алгоритм. В конце концов, можно пойти путем простого подбора. Стимулировать клаустрем токами или электромагнитным излучением, постепенно подбирая характеристики возбуждения, пока не выскочит искомая сигнатура.

– Но ведь это эксперименты на людях!

– Ну и что. Людей у них много. Цель стоящая. Если китайцы смогут искусственно спровоцировать состояние измененного сознания у групп людей, связывать его в сеть достаточно мощную, чтобы открыть канал к Сингулярности, это будет реальный прорыв. А если они смогут еще и управлять этим процессом, задавая нужные параметры изменения материального мира... – Татьяна на секунду умолкла. – Сам понимаешь, их влиянию не будет предела.

– Черт возьми. Я думал, вы партнеры.

– Мы партнеры по необходимости. А так каждый преследует свою выгоду, – со вздохом проговорила Татьяна. – Поэтому сегодняшний сеанс так важен. Возможно, он поможет разобраться в том, что произошло.

– Это не опасно? – Ник чуть замедлил шаг.

– Нет, – она остановилась и очень серьезно посмотрела ему прямо в глаза. – Я уже несколько раз проходила с Лесовским через такие сеансы. Он посредством гипноза стимулирует работу сознания в нужном направлении. Не спрашивай, откуда у него такие способности. Это долгая и очень секретная история. Но факт остается фактом. Он может вытянуть из подсознания твои ощущения в момент контакта, и, если удастся, приборы зафиксируют изменения в клаустреме. Я буду участвовать в сеансе вместе с тобой, ведь у меня тоже был контакт с Сингулярностью в это время. Хотя и довольно поверхностный. Мы будем подключены к очень чувствительной аппаратуре, так что не пугайся проводов и людей в белых халатах. Я уверена – все закончится быстро, – она бросила взгляд на часы. – Давай возвращаться. Думаю, профессор уже подготовился. Да и зябка на улице. Зима во Франции не самое лучшее время для прогулок на свежем воздухе.

Профессор встретил их на террасе. Укутавшись в толстый пуховик, он сидел в плетеном кресле, рядом с ним стоял деревянный сервировочный столик, на котором на небольшой горелке грелся мельхиоровый чайничек.

– Ну что, молодые люди, нагулялись? – с дружелюбной улыбкой спросил он, вставая. – Хорошее здесь место. Тихое. Располагает к неспешным раздумьям. А знаете, над чем я тут размышлял? Я вот подумал – а зачем мы во все это лезем? Чего мы хотим добиться в наших попытках контактировать с Сингулярностью? – Лесовский по очереди внимательно заглянул Татьяне и Нику в глаза, и в его взгляде мелькнули почему-то кажущиеся такими знакомыми искорки любопытства. – Мы хотим качнуть оттуда информацию о новых технологиях? Вряд ли это получится. На уровне Сингулярности нет технологий. Она сама и есть высшая технология, доступная в нашей Вселенной. Мы хотим научиться силой сознания изменять мир? Тоже

вряд ли. Наше сознание находится на начальном уровне эволюции и неспособно транслировать энергию Сингулярности в сколь-нибудь значимые изменения материального мира.

– Но ведь вы сами говорили, что вспышка неконтролируемого насилия в Штатах – это материальное воплощение подсознательного желания большинства людей, стимулированное энергией Сингулярности, – немного удивилась Татьяна, не понимая, куда клонит профессор.

– Говорил, – с готовностью согласился тот. – В том, что произошло после контакта в монастыре, может крыться ответ на мои вопросы. Получив доступ к внешним уровням Сингулярности, мы вряд ли сможем серьезно изменять материальный мир. Но манипулировать сознанием человека мы, скорее всего, сможем. И тут возникает вопрос – сможем ли мы контролировать этот процесс? Разве могли мы предполагать, что коллективное сознание человечества выберет Америку своей мишенью. А если бы это была Европа? А если Россия? А что, если бы произошел какой-либо сбой, нестыковка энергии Сингулярности с нашим сознанием? Что тогда? Зомби апокалипсис? Как и в случае с квантовой черной дырой, мы абсолютно не знаем, с чем имеем дело, идем на ощупь с завязанными глазами в незнакомой темной комнате.

– Черт возьми, профессор, к чему вы клоните? – Ник растерянно посмотрел на Татьяну.

– Я к тому, что мы должны быть готовы к самому необычному развитию событий, которое может быть очень далеко от планируемого сейчас результата, – Лесовский на несколько секунд замер, глядя куда-то вдаль, потом встрепенулся и, обняв молодых людей за плечи, направился к двери. – Но пойдете. У нас все готово для сеанса. А это все так – размышления старого ученого, столкнувшегося с явлением, которое он не может пока ни понять, ни объяснить.

Сам сеанс занял около получаса. Улыбчивые санитары уложили Татьяну и Ника на мягкие кушетки, больше похожие на гостиничные кровати, надели сенсорные шлемы и подключили к считывающей аппаратуре и капельницам. Потом Лесовский лично ввел в капельницы нейростимулянт, сел между увитыми проводами учеными, взял их за руки и коротко кивнул санитарам. Последним, что помнил Ник, были гибкие и холодные, словно змеи, полоски ремней, пристегнувшие к кушетке его лодыжки, запястья, пояс и грудь.

Он пришел в себя, когда уже совсем стемнело. Во всем теле ощущалась непривычная слабость. Прислушался к себе. Несколько раз с силой зажмурил глаза. Пошевелил руками. На локтевом сгибе чувствовался катетер стоящей возле кровати капельницы. Голова была чиста. Не ощущалось ни боли, ни легкого головокружения, которое он испытал перед началом сеанса. Ник повернул голову и совсем рядом увидел экран монитора, по которому бежало несколько строчек его кардиограммы, а под ними высвечивались физиологические параметры: пульс, давление, температура и еще с десятков цифр, значения которых он не понимал.

– Вы, наверное, давно не отдыхали, – в комнату вошел Лесовский и, быстро глянув на настенные часы, присел на стул у кровати. – Но ничего, сон пойдет вам только на пользу. Как вы себя чувствуете?

– Зачем вы пристегнули меня ремнями? – вместо ответа спросил Ник.

– Простая, но необходимая предосторожность, – ободряюще улыбнулся профессор. – Иногда во время сеанса тело может совершать непредсказуемые резкие движения. Но с вами проблем не было. Вы очень хорошо воспринимаете гипнотический контакт. Все прошло как нельзя лучше.

– И каков результат?

– Положительный. Нам удалось вызвать в вашей памяти момент контакта с Сингулярностью, и аппаратура зафиксировала изменения в клауструме. То же самое с Татьяной, хотя у нее природа изменений немного другая. Теперь данные надо расшифровать и решить, что с ними делать дальше. Дайте я уберу капельницу, – Лесовский аккуратно вынул иглу и ловкими движениями закрепил на ее месте полоску коагулирующего пластыря.

– Какова ваша конечная цель? – Ник сел на кровати и покрутил головой, разминая немного затекшую шею. – На что вы рассчитываете?

– Мы попытаемся пойти по китайскому пути. Если расшифровка данных будет успешной, мы выйдем на сигнатуру активации клауструма. Вы физик и понимаете, всем в мире движут четыре силы. Если, конечно, не считать Сингулярность, которая, судя по всему, является их синергетической базой. Думаю, сильное, слабое взаимодействия и гравитацию в нашем случае можно отбросить. Остается электромагнитное взаимодействие. Процессы, протекающие в мозге, всего лишь одна из его форм. С его помощью мы и попытаемся подобрать у испытуемых нужную формулу для активации клауструма без привлечения вас с Татьяной для прямого контакта с Сингулярностью.

– Я не это имел в виду. Дальше что? Только не говорите мне, что все это ради того, чтобы лечить душевнобольных. Вы ведь хотите контролировать сознание людей?

– Я ученый, а такие вопросы надо задавать политикам. Я лишь делаю свой чертовски интересный кусок работы, и пока мы неплохо продвигаемся вперед.

– Теперь вы оставите меня в покое? – не скрывая раздражения, спросил Ник.

– Этот вопрос не ко мне. Вы работаете с французской контрразведкой, им и решать.

После придирчивого осмотра врачами, Ник попрощался со всеми и на вертолете Тьерри в сопровождении двух агентов покинул скрытый в глубине дубовой рощи замок. Он возвращался домой к семье, размышляя над словами Лесовского, сказанными несколько часов назад на террасе, над параллелью, которую профессор провел между тем, что они делают сейчас, и их опасными экспериментами на коллайдере. А еще ему вспомнились необычные искорки, мелькнувшие в тот момент в глазах профессора. Очень знакомые радужные искорки.

США. Сан-Франциско

Несмотря на довольно brutальный вид стареющего, но не сдающегося возрасту качка, доктор Кравиц оказался человеком разговорчивым и даже несколько назойливым. Это Адамс понял уже в вертолете по пути в местный офис ЦРУ, где для него была заранее подготовлена небольшая комната для допросов. На ходу серьезный разговор вести не хотелось, тем более в присутствии сидящего рядом в наручниках с заклеенным скотчем ртом директора центра. Поэтому чтобы никого не обидеть, агент надел наушники внутренней связи и с сосредоточенным видом принялся рассматривать частную застройку пригородов, раскинувшуюся внизу.

Комната для допросов была вполне типичной: небольшое помещение в 20 квадратных метров, металлический стол посередине, пара спартанских металлических стульев. Все прочно прикручено к полу. Прозрачного зеркала для внешнего наблюдения не было. Его заменили полдюжины камер, расположенных в разных точках. Отсутствие зеркала и сверкающая хромом скудная мебель делали комнату совершенно пустой и бездушной, но в остальном она вполне соответствовала стандарту, принятому у силовиков.

– Итак, доктор Кравиц, – Адамс положил перед собой нетолстую папку с хорошо заметным гербом ЦРУ на обложке.

– ЦРУ? – удивился ученый, который только сейчас понял, что не удосужился проверить удостоверения у забравших его из исследовательского центра людей. – Я думал, вы из Министерства обороны. Думал, *DARPA* осознала свою ошибку и хочет возобновить тему моих исследований.

– Знаете, у меня был знакомый индюк... – агент расслабленно откинулся на спинку кресла и недобро ухмыльнулся. – Так вот, он тоже любил думать, пока не попал в овощной бульон. Чтобы этот неприятный случай не произошел с вами, позвольте дать небольшой дружеский совет. Я сейчас буду задавать вопросы. Вы на них будете отвечать. Четко, без лишней научной воды и заумных рассуждений. В этом случае индюк сможет избежать бульона.

– Моя работа совершенно секретна. Я дал кучу подписок о неразглашении. Это вообще может быть самым крупным в истории прорывом в науке.

– Давайте я обрисую вам ситуацию, – Адамс навалился локтями на стол и впился глазами в ученого. – Вы видите, что творится в стране. Если опустить всю лирику, то у нас разворачивается гражданская война. Мы считаем, что она является результатом применения по территории США неизвестного психотронного оружия, повысившего агрессивность американцев до пиковых значений и подтолкнувшего их к бесконтрольному насилию.

– Но я не работаю в области оружия!

– Речь не о вас. Во всяком случае, пока. Мы считаем, что удар был нанесен неким внешним противником. Кто это, мы не знаем. Но знаем точное время атаки. Президент едва сдерживает генералов от того, чтобы начать полномасштабную бойню, которая, скорее всего, приведет к распаду страны. А еще какой-нибудь идиот из Пентагона может применить ядерное оружие или начать мировую войну. Как вам такой расклад? Ситуация критическая. Поэтому я в любом случае получу ответы на интересующие меня вопросы. Выбор у вас небольшой: либо вы сотрудничаете добровольно, либо я вас обколю химией и ваше тело найдут в зоне боестолкновений в центре Сан-Франциско. Уверен, в этом бардаке никто задавать вопросы особо не будет.

– Черт возьми! – выругался Кравиц и с опаской взглянул на агента. – Меня потом фирма на части разорвет.

– Не бойтесь. Моих полномочий хватит, чтобы вас защитить. Вот сейчас, например, пара моих людей уже находится у вас дома. Так, на всякий случай, чтобы с вашей женой и детьми ничего не случилось. Вы не знаете, на что способны корпорации, чтобы защитить свои секреты.

– Вы взяли их в заложники! Вы не посмеете причинить им вред! – возмутился ученый.

– Давайте не будем это проверять, – Адамс раскрыл папку и взглянул на первый лист. – Перейдем к вопросам. То, что вы работаете над антидепрессантом, конечно же, чушь. Что вы на самом деле исследуете в лаборатории № 4? Это наверняка связано с продолжением темы пси-поля, которую вы начали в *DARPA*?

– Дайте воды, – судорожно сглотнул Кравиц и с загнанным видом посмотрел на цэрэушника, тот, не говоря ни слова, коротко кивнул. Через несколько секунд в комнату вошел оперативник и поставил на стол бумажный стакан с водой. – Да. Пси-поле. Я работаю над пси-полем.

– Как далеко вы продвинулись?

– У нас очень серьезный прогресс. Мы знаем, что пси-поле существует. Мы можем измерить его интенсивность. И... – ученый несколькими большими глотками осушил стакан воды. – У нас есть рабочий генератор.

– Спасибо, доктор. Допрос окончен, – Адамс встал и оперся руками о стол. – Сейчас вы подпишите кое-какие бумаги. Это формальность, для вашей же безопасности. Через час встречаемся у генератора.

– Но откуда вы знаете, где он? – ученый озадаченно посмотрел на агента.

– Работа у меня такая, – коротко ответил тот и многозначительно ухмыльнулся.

То, что он вошел в контакт с чем-то очень мощным, когда прикоснулся к кубическому стальному контейнеру в фуре у исследовательского центра, Адамс понял сразу. И это нечто, вероятнее всего, и было основным элементом исследований Кравица. Он связался с генералом, командующим операцией в Сан-Франциско, и договорился разместить ценный груз у него на базе в Кэмп-Паркс, находящейся на восточном берегу залива. Туда же был переправлен лабораторный персонал. Не очень полагаясь на военных, агент попросил директора станции ЦРУ на пару дней оставить в его распоряжении группу оперативников, штурмовавших лабораторию и вертолет.

Адамс с самого начала чувствовал, что находится на верном пути, но без личного контакта с главным фигурантом четко сформулировать цель своего поиска не мог. После разговора с Кравицем в нем будто щелкнул тумблер. Теперь было ясно, что он не ошибся. Теперь он четко видел конечную точку своего расследования.

* * *

Ангар на военной базе, в который загнали фуры, предназначался для хранения техники, поэтому места в нем хватало с избытком, а бетонная площадка перед ним была достаточно широкой, чтобы на ней спокойно мог приземлиться транспортный вертолет.

Отправив вертушку за оставшимся в офисе ЦРУ Кравицем, Адамс быстро проверил посты, выставленные командиром тактической группы, и вошел внутрь. Помещение освещалось несколькими мощными прожекторами, направленными на фуры. Ближе ко входу на притянутых откуда-то армейских койках дремало несколько оперативников. Поняв, что это отдыхающая смена, он осторожно прошел вглубь ангара, где за небольшим столом его люди опрашивали персонал лаборатории.

– Босс, ты не представляешь, чем они там занимаются, – выпалил один из агентов, когда Адамс подошел ближе. – Охренеть!

– Представляю, – цэрэушник подтянул к себе пластиковое офисное кресло и, усевшись за стол, спросил сидящего напротив человека в белом комбинезоне: – Вы системы жизнеобеспечения к стационарному источнику энергии подключили?

Тот с обреченным видом кивнул.

– Что еще надо для нормального функционирования? – задал он еще один вопрос.

– Мобильная лаборатория полностью автономна. Даже внутреннего генератора хватило бы на пару дней.

– Какие вы используете средства защиты или экранирования?

– Защиты? – подняв глаза, удивился ученый. – Мы не сталкивались со случаями, когда нам нужна бы была защита. Наоборот, мы работаем над усилителем.

– Хм... – Адамс подозрительно посмотрел на сидящего напротив растерянного человека. – То есть вы хотите сказать, что можете выдерживать контакт?

– Какой контакт? – удивился ученый, и, вдруг восторженно широко открыл глаза, и быстро заговорил: – Вы... Вы были внутри и что-то почувствовали. Вы ведь сказали контакт... Черт возьми! Контакт! Это замечательно! Даже через металл контейнера? Такого у нас еще не было. Дистанционная передача импульсов! Без интерфейса цифровой репликации. Какие были симптомы? Так... Мне надо срочно снять параметры с регистрирующей аппаратуры. Мы можем быть на пороге прорыва!

– Хей, хей! Остынь, парень, – Адамс поднял руку в останавливающем жесте. – Я так понял – вы пока вертитесь вокруг да около. И толком не знаете, что делать со всем этим дерьмом дальше.

– Ну... – ученый опустил глаза. – Мы достигли определенного прогресса. У нас есть работающая установка.

– Ладно, – агент повернулся к своему оперативнику. – Слушай, тут на базе есть небольшая гостиница. Я договорился с комендантом, чтобы вас перевели туда. Автобус, наверное, уже ждет. Собирайте всю эту лабораторную братию и продолжайте опрос там. Фиксируйте все на пленку. Только помягче, без нажима. Они нам еще понадобятся. Я пока останусь здесь с местными ребятами, подожду Кравица и поработаю с ним. Да, еще... В автобусе должна быть куча бэушных армейских шмоток. Переоденьте всех, чтобы не светились по базе своими белыми комбезами, а то вояки чего доброго подумают, что эпидемия началась. И оставьте мне ключи от грузовиков.

Когда Адамс остался один, он несколько раз обошел фуры, внимательно прислушиваясь к себе. Потом вернулся в кресло и расслабился, пытаясь мысленно охватить весь ангар внутренним взором. Теперь, когда он знал, что искать, все было гораздо проще. Он явно чувствовал присутствие легкого бесконтактного стимулянта необычной природы. Такого агент еще не испытывал никогда. Воздействие было слабым, на грани доступной ему сенсорики. Оно было успокаивающим, обволакивающим, словно теплый пар в ароматной сауне, нежным, словно шелковые простыни. Сон... Это было похоже на сон. Он на секунду поддался заполнившему все пространство ангара умиротворению, но, поняв, что засыпает, резко тряхнул головой, снова обретая ясность мысли и предельную концентрацию.

Снаружи на фоне множества звуков работающей в боевом режиме военной базы был отчетливо слышен шум винтов заходящего на посадку перед ангаром вертолета.

Доктор Кравиц теперь выглядел гораздо увереннее. Видимо, бумаги о сотрудничестве, дающие иммунитет от уголовного преследования, подписанные им в офисе, и разговор с семьей, находящейся в безопасном месте под присмотром агентов, сделали свое дело.

– Итак. Продолжим нашу беседу, – Адамс небрежно кивнул в сторону стола, за которым его люди только что опрашивали сотрудников лаборатории. – В одной из этих фур находится мобильная лаборатория, а в ней – генератор пси-поля. Верно?

– Да, – согласился ученый. – Нам удалось сделать мобильную версию генератора.

– Какова цель ваших исследований?

– Это наука, – немного смутившись, пожал плечами Кравиц. – А цель науки – находить новое, исследовать, систематизировать и давать ему объяснение.

– Но фармкомпания наверняка ожидала конкретной отдачи от ваших исследований. Ее ведь наука интересует лишь как источник прибыли.

– А... Вы об этом. Они хотели использовать мои разработки в области пси-поля для создания «инкубаторов счастья».

– Чего? – удивленно поднял брови Адамс.

– Счастья, – ученый понял, что его собеседник не понимает, о чем идет речь, и, прочитав на его лице явное замешательство, продолжил: – Понимаете, мы думаем, что наше сознание является результатом множества химических и физических процессов. Эти процессы чрезвычайно сложны и запутаны, но вполне объяснимы с точки зрения современной науки. Как любые другие процессы в природе, они взаимодействуют с окружающей средой, а значит и окружающая среда может взаимодействовать с ними. Взаимодействие физических процессов, порождаемых нашим сознанием, с окружающей средой я называю пси-полем. На этом основана моя теория. Как и любое взаимодействие, его можно зарегистрировать и описать. Для этого нужны очень чувствительные приборы, которых до недавнего времени не существовало. Но сейчас в результате моей работы это возможно. Как и любое взаимодействие, пси-поле неоднородно. Его природа меняется в зависимости от влияния на него окружающей среды. И не забывайте, что это влияние обоюдно. Такая неоднородность может быть классифицирована по характерным физическим или химическим параметрам и привязана к определенному участку мозга. Если стимулировать этот участок, то можно добиться качественных изменений в сознании. Может, мы чего-то еще не знаем или полностью не понимаем, может, все на самом деле устроено совершенно по-другому. Но, во всяком случае, с точки зрения знаний, которыми мы обладаем на данный момент, моя теория выглядит именно так.

– Со стимуляцией все ясно, – понимающе кивнул Адамс. – Препараты с серотонином¹⁰ для поднятия настроения используются давно. А можно еще подключить провода напрямую и стимулировать мозг где и сколько угодно. Меня интересует сам «инкубатор счастья»? Чем он отличается от простой инъекции гормонов.

– Я как раз пытаюсь это вам объяснить. С серотонином не все так просто. Его искусственная форма ведет к критическим срывам гормонального баланса организма, а стимулирование токами шишковидной железы, которая его вырабатывает, вообще может иметь самые неприятные последствия. Я действовал, как вы выразились, напрямую, но более тонко. Я смог через пси-поле бесконтактно влиять на активность шишковидной железы, вырабатывающей серотонин, и еще на вентральный стриатум, вырабатывающий дофамин – гормон удовлетворения и поощрения. Оба этих нейромедиатора в паре отвечают за состояние счастья у человека.

– И ваши боссы решили заработать, продавая людям счастье? – вполне серьезно спросил Адамс, чувствуя, что не зря прилетел в Сан-Франциско.

– О, нет, – Кравиц уважительно покачал головой. – Они хотели продавать счастье не отдельным людям, а целым правительствам, чтобы сделать всех их граждан счастливыми.

– Хм... А вот это довольно необычный поворот.

– Нет здесь ничего необычного. Счастливым народ – мечта любого правителя. Это его индульгенция на вечное правление.

– Ага, – понимающе кивнул головой агент. – Теперь вижу, куда вы клоните. Вы можете сделать счастливым народ, даже если он недоедает, одет в рваньё и живет в засранных, кишачищих крысами трущобах. С таким народом можно делать все, что хочешь. Даже умирая с голоду или от болезней, люди будут боготворить государственную верхушку, подарившую им счастливую жизнь. Это очень смахивает на заваренную на ложном ощущении счастья смесь дебилизации и изоциренного зомбирования. Жестоко.

– Э... В общем да, – несколько виновато улыбнулся ученый. – Но если вы оглянетесь вокруг, то увидите, что этот процесс уже идет даже без применения моего пси-поля. Во всяком случае, в Америке. Большая часть населения уже похожа на послушное, лишенное своего

¹⁰ Один из основных нейромедиаторов, часто называемый «гормоном счастья».

мнения и разучившееся самостоятельно мыслить стадо, зомбированное средствами массовой информации и Интернетом. Так что дебилизация, как вы выразились, уже идет полным ходом.

– Да, но при этом американцы не испытывают счастья, поэтому процесс не завершен. Ваши исследования доводят все до логического завершения. Это действительно золотая жила! Расскажите, как работает эта ваша установка? Принципы. Механика.

– Все там, внутри, – Кравиц сделал движение головой в сторону фуры.

– Я уже был внутри, – Адамс впился глазами в собеседника в предвкушении его реакции. – У вас там один или несколько живых организмов. Судя по размеру контейнеров, подсоединенных к системам поддержания жизни, в каждом из них находится функционирующий мозг. Я не спрашиваю, кто был донором.

– А вы быстро во всем разобрались, – одобряюще кивнул ученый. – А насчет донора... Три мозга, являющиеся ядром установки, не принадлежат человеку.

– А вот это интересно. Приматы?

– Нет, – Кравиц с видом победителя откинулся на спинку кресла. – Дельфины! Мы использовали мозг дельфинов. Он у них не только по весу превышает человеческий на 300 грамм, но и по площади коры больше нашего в два раза. С нами работает когнитивный этолог¹¹, признанный специалист по дельфинам. Ему удалось доказать, что у этих животных есть развитое самосознание, социальное сознание, а главное, у них сильно развит эмоциональный фон. Это очень позитивные по своей природе существа. Большая часть их эмоций – это радость, восхищение, желание помочь, сочувствие. Они напоминают 5–6-летних детей, впервые оказавшихся в Диснейленде. Их даже животными называть как-то неловко. В общем то, что надо. У нас три рабочих экземпляра. Все, как вы видели, подключены к системам поддержания жизни. И не только. Сложная система нейросимуляции создает у них полное ощущение реальности. Но реальность эта виртуальная. Сейчас дельфины думают, что их перевели в наполненные водой контейнеры для транспортировки. Но они наверняка уверены, что скоро их вернут в свой любимый просторный бассейн с кучей игрушек.

– В бассейн? – удивился Адамс. – Не в океан?

– Да, в бассейн. Мы забрали этих особей из исследовательского центра на базе ВМС в Сан-Диего. Военные их там готовили к каким-то секретным операциям. Корабли взрывать или подлодки находить. Деталей я не знаю. До этого у нас было несколько попыток работать с дельфинами, взятыми из живой природы, но процесс с ними шел очень сложно. Привыкание, если можно так сказать. Дрессировка. Да и в природе они живут в больших стаях, где особи очень привязаны друг к другу и уже сформировали устойчивую групповую пси-систему.

– Извините, что сформировали?

– Пси-систему. Это когда индивидуальные пси-поля образуют одно общее. Сейчас объясню. Индивидуальное пси-поле – это результат влияния сознания человека на окружающую материальную среду. Мы его почти не замечаем в обычной жизни потому, что его интенсивность настолько мала, что стремится к нулю. Но чем больше индивидуумов собирается вместе, тем больше взаимодействуют их пси-поля. Если это взаимодействие длится достаточно долго, поля изменяются, подстраиваются друг под друга и образуют единую пси-систему. Групповая молитва верующих может быть тому ярким примером. Это работает и на уровне животных. Вы видели, как стая в несколько тысяч скворцов ведет себя в полете, словно единый организм, когда все особи одновременно и синхронно меняют направление. Это завораживающее зрелище – простейший пример базовой пси-системы. А самый сложный известный нам пример – исторически сложившаяся моноэтническая нация, скрепленная общностью интересов, а еще лучше общепринятой идеологической или религиозной парадигмой. Здесь социологи уже давно говорят об общественном сознании, даже не представляя, насколько они близки

¹¹ Когнитивная этология изучает мыслительную деятельность животных.

к истине. Если развить эту концепцию, то и все человечество вполне можно объединить в целостную пси-систему.

– Вот куда вы замахнулись? – поднял брови Адамс.

– Это перспектива отдаленного будущего. Мы ведь в самом начале исследований. Но вернемся к нашим дельфинам. Чтобы сэкономить время и не возиться с дикими особями, мы взяли эту уже прирученную и отдрессированную военными тройку. Они родились в неволе, привыкли к людям, любят нас и охотно выполняют наши команды. Они образуют хоть и маленькую, но очень устойчивую и очень активную пси-систему, что здорово нам помогает.

– Как работает генератор? – спросил агент, вспоминая, как оказался в толще морской воды, при контакте с контейнером и то, как кто-то вытолкнул его на поверхность.

Теперь он знал, кто это был.

– Все очень просто, – ученый бросил быстрый взгляд на фуру, в которой находилась лаборатория. – Генератором пси-поля является мозг дельфина в состоянии транскраниальной магнитной нейростимуляции¹². Нам удалось зарегистрировать физические параметры пси-поля. Теперь мы знаем сигнатуру изменений, которые его вызывают, и даже можем воспроизводить некоторые его состояния. Но естественное напряжение поля даже при самой интенсивной стимуляции настолько незначительно, что его невозможно зарегистрировать обычными приборами. Поэтому мы используем усилитель.

– Вы говорите об этом так, словно все далось очень легко. Почему именно вы? Если это так просто, почему другие до сих пор не зарегистрировали пси-поле?

– О нет! Это было совсем не просто. Здесь понадобилось решение, которое мог предложить только настоящий гений, – Кравиц гордо вскинул подбородок, давая понять, что имеет в виду самого себя. – Для регистрации пси-излучения я использовал самый совершенный прибор, доступный человечеству. Я использовал один из детекторов Большого адронного коллайдера.

– Того самого, при помощи которого мы хотели разрушить Европу? Про который наш президент говорил в ООН?

– Да, именно. У фармацевтической компании, финансирующей мои исследования, швейцарские корни, поэтому добиться разрешения на эксперимент было вполне реально. Тем более что сам коллайдер запускать не требовалось. Да он в это время все равно находился на реконструкции. Мы использовали лишь один из его детекторов. Мы поместили мозг внутрь детектора и провели активную стимуляцию, которая дала ошеломляющий результат. Оказалось, что при резкой активации сознания меняются характеристики окружающего электромагнитного поля, а сам мозг на субатомном уровне испускает веер неизвестных физикам элементарных частиц. Даже не частиц, а некоей еще более базовой субстанции, граничащей с чистой, неизвестной никому энергией. Она по моей гипотезе и является источником пси-поля. Ученые на коллайдере были убеждены, что это помехи. Но я! Я-то знал, чью тень их приборы зафиксировали во время эксперимента.

– С электромагнитным полем понятно, – Адамс задумчиво поскреб подбородок. – Его легко можно воспроизвести. Но чтобы искусственно генерировать пси-поле, вам нужны еще элементарные частицы или эта энергия, о которой ничего не известно.

– Верно. С полем мы разобрались сразу. А с «квантами сознания» не можем продвинуться ни на шаг до сих пор. Но это нам не мешает. Понимаете... – Кравиц в нерешительности пожевал губу, словно решая, рассказывать агенту детали своих исследований или нет, но, почувствовав, что отвертеться от подробностей ему не удастся, продолжил: – То, что я вам рассказал, не совсем совпадает с темой моих исследований. Вернее, это всего лишь их прикладная часть, обеспечивающая мне финансирование от фармкомпаний. Я занялся пси-полем,

¹² Метод, позволяющий стимулировать кору головного мозга при помощи магнитных импульсов

еще когда работал в *DARPA* над проектом *SYNAPSE*. Мы хотели сделать прямой интерфейс мозг-компьютер, чтобы заставить искусственный интеллект работать, как человеческий мозг. Когнитивность¹³, творчество, интуиция. Это открыло бы гигантские возможности в развитии искусственного интеллекта. Я уже тогда понял, что пси-поле существует. Более того, помимо пси-поля, генерируемого мозгом живых существ, есть некое универсальное поле, которое от них не зависит. Некий общий пси-фон. После экспериментов на коллайдере мы обратились к физикам, чтобы разобраться с «квантами сознания», и они сообщили, что периодически регистрируют что-то похожее во время своих экспериментов. Они вообще решили их не классифицировать, приняв, как я уже сказал, за помехи или некий не имеющий значения фон. А оказалось, что это и есть отпечаток пси-поля. Если развить эту теорию, то получается, что пси-поле может быть частью реликтового излучения, возникшего при Большом взрыве, когда родилась наша Вселенная. Но эти бездари в *DARPA* меня не послушали, поэтому мне пришлось уйти.

– Все это очень интересно, – нахмурившись, проговорил агент, с трудом пытаясь осмыслить все, что услышал. – Но меня сейчас интересует практическое применение генератора.

– Я как раз к этому и подхожу. После эксперимента на коллайдере я убедился, что, хотя мы и не можем его регистрировать нашими обычными приборами, пси-поле существует и мозг является лучшим его генератором. Кроме того, существует некое общее пси-поле, во всяком случае, в пределах нашей планеты, на которое при определенных условиях можно воздействовать и использовать для передачи информации. Дальше надо было найти способ его усиления. Тут помогли мои наработки в *DARPA*, и я сделал величайшее открытие в истории науки! Открытие, которое человечество не в состоянии пока оценить. Его масштаб просто поражает, а...

– О чем идет речь? – перебил цэрэушник ученого, который был готов лопнуть от собственной значимости.

– Да... Извините, – с виноватым видом спохватился тот. – Я вывел закономерность интенсивности поля не только от степени стимуляции мозга, но и от его размеров. Но самое главное, я экспериментально доказал, что пси-поле может быть генерировано не только живым мозгом, но и машиной – квантовым суперкомпьютером с искусственным интеллектом на основе развитой нейросети¹⁴.

– Черт возьми, а вот это уже действительно интересно, – Адамс придвинулся поближе к столу. – Если ваша теория верна, то обладающий искусственным интеллектом суперкомпьютер, который может занимать целый этаж, способен генерировать пси-поле, достаточно мощное, чтобы влиять на сознание людей на больших территориях.

– Совершенно верно.

– Но почему люди, работающие с искусственным интеллектом, его не чувствуют?

– Потому что пси-поле ИСИНа обезличено. Оно бесцветно и прозрачно, поэтому не может вступить во взаимодействие с полем человека. Несмотря на значительный прогресс в развитии когнитивности и творческой составляющей, искусственный интеллект на этом уровне все еще остается бездушной машиной. То, что вы называете искусственным интеллектом, по сути, таковым пока не является. Человечество только приоткрыло дверь и заглянуло в огромный зал знаний об искусственном разуме. На данном этапе мы в большинстве случаев имеем дело лишь с продвинутыми суперкомпьютерами. Может, именно поэтому мы говорим об интеллекте, а не о разуме. Да, они обладают способностью обучаться, накапливая и анализируя собственный и внешний опыт. Да, они могут решать сложные логические задачи с элементами творчества. Но у них пока нет основных черт, присущих разуму. Самостоятельности,

¹³ Способность к восприятию и переработке информации.

¹⁴ Искусственная нейронная сеть – математическая модель и ее программное и аппаратное обеспечение, копирующие структуру и основные процессы работы человеческого мозга.

гибкости и адаптивности мышления. Интуиции, наконец. Они не знают, что такое любопытство, тяга к познанию нового. Для них получение знаний – всего лишь механическая операция. Для людей это сложный, наполненный переживаниями мыслительный процесс, который порой приводит к совершенно иному результату, чем планировалось изначально. Во всем мире можно насчитать всего десяток машин, которые приблизились к тому, чтобы хоть отдаленно считаться разумными. Но создав устойчивую пси-систему суперкомпьютер-дельфин, мы сразу выводим ее на уровень разума.

– Вы используете дельфинов, чтобы стимулировать информационное, или, как вы его называете, пси-поле компьютера.

– Да. ИСИН генерирует мощное пси-поле, а наполненное эмоциями сознание дельфина придает ему окраску и плотность, достаточную, чтобы взаимодействовать с полем человека. Таким образом мы можем создать мощную бесконтактную пси-систему, способную влиять на сознание людей на огромных расстояниях. Это и есть основной принцип работы «инкубатора счастья». И его открыл я!

– На каком этапе находятся практические испытания системы?

– На уровне небольших групп людей с интервалами воздействия в несколько секунд.

– И?

– Результаты просто ошеломляют! Мы один раз выбились из графика и провели сеанс сразу после кормежки дельфинов. Так у всех в исследовательском центре возникло ощущение сытости и покоя. Хоть сиесту объявляй!

– Вы экспериментируете на своих же сотрудниках? – удивился Адамс.

– У нас нет выбора. Похоже, пси-поле обладает всепроникающим эффектом. Его нельзя экранировать. Во всяком случае, у нас это не получилось.

– Вы экспериментировали с интерфейсом четыре дня назад в 7 часов утра? – нахмурившись, задал вопрос Адамс.

– Нет, – уверенно покачал головой ученый. – По утрам мы не работаем. Наши сеансы проходят только днем. Ночью дельфины спят. Потом кормежка, потом час игры, потом упражнения на развитие сознания. Все виртуально, конечно. Мы начинаем работать с их пси-полем около полудня, потом пауза на отдых и еще один сеанс часов в пять, в зависимости от их концентрации. А к чему вопрос?

– Мы считаем, что психотронная атака на США была проведена 4 дня назад в 7 часов 16 минут утра.

– И вы подумали, что это наша лаборатория? – совершенно искренне удивился Кравиц. – Нет! Это просто невозможно. Дельфины не способны генерировать такой уровень агрессии. Мы иногда искусственно провоцируем их агрессию, симулируя нападение акулы, но даже тогда их эмоции больше похожи на печаль или жалость к хищнику, чем на злобу. Хотя постойте... Вы говорите, 4 дня назад в 7 часов утра. Помню, я читал отчет дежурной ночной смены лаборантов... Да. В это время дельфины проснулись и нейрографы зафиксировали необычную активность их мозга. Мы тогда классифицировали эту реакцию как чрезвычайное возбуждение.

– Значит, они тоже почувствовали психотронную атаку. А где находится ИСИН, с которым вы работаете?

– На втором подземном уровне исследовательского центра, – Кравиц понимающе посмотрел на агента. – Вы хотите...

– Я хочу запустить ваш генератор на полную мощность, чтобы Сан-Франциско стал «инкубатором счастья» и волна насилия здесь прекратилась. Если вы правы и все произойдет именно так, я думаю, вы получите неограниченное финансирование от государства. Сколько вам понадобится времени, чтобы привести лабораторию в рабочий режим?

– Пару часов, – взволнованно проговорил ученый. – Собрать оборудование будет сложнее, но мы можем этого и не делать. Если подогнать фуру с дельфинами вплотную к стене

центра, пси-система с ИСИНОм инициируется дистанционно. Не забывайте, все происходит бесконтактно, через пси-поле. Но лучше, конечно, подключить все к стационарному оборудованию.

– Прекрасно, – с довольным видом кивнул Адамс и потянулся за рацией, чтобы сообщить оперативникам, что они выезжают обратно в лабораторию.

Где-то в глубине фуры дремлющие в толще воды дельфины встрепенулись, уловив желание человека вернуть их обратно в большой бассейн. Туда, где они могли общаться со своим новым и таким необычным другом. Общаться и учить его понимать мир.

Китай

Контакт Майка с Сингулярностью в тот вечер, конечно же, не был случайностью, Монтини в этом был уверен. Гао наверняка подстроил все так, чтобы эксперимент прошел в день их прибытия в монастырь, на сутки раньше, чем было согласовано с Тъери и русскими. Он не задавал лишних вопросов, понимая, что в этой игре, несмотря на кажущиеся партнерские отношения, каждый преследует свой интерес и хочет прийти к финишу первым. Только вот в чем был этот интерес, разобраться он пока не мог. В стремление китайцев к познанию нового Монтини не верил. Получить от Сингулярности вселенские знания было, конечно, заманчиво, но эти знания основывались на концепции ментальной энергии, о которой человечество на этом уровне развития не имело почти никакого представления.

Да, их эксперимент в общем удался. С помощью мумий и медиатора им удалось открыть канал к Сингулярности, качнуть оттуда крупную порцию ее энергии, и на бесконечно малый миг объединить все сознания людей на планете в нечто, напоминающее сеть. Эта сеть, то есть коллективное сознание человечества, пожелала мира и с помощью коллективной ментальной энергии устранила лежащее на пути к нему препятствие – США. Теперь американцы на радость Гао убивают друг друга и, по-видимому, Штатам грозит распад, который будет означать конец их истории.

– Если это можно назвать миром, то тогда объясните мне, что такое война, – пробурчал Майк, просматривая новости на своем планшете.

Пожалуй, чрезмерная осторожность Лесовского имела под собой основания. А что, если бы земляне пожелали что-то другое? Погасить солнце, например. Или, как предположил русский профессор, переселиться на другую планету. А вдруг там не оказалось бы кислорода? Или пригласить инопланетян к себе? Ведь желания человека могут быть странными и необычными, а коллективное желание человечества – и вовсе смертельно опасным. Хотя нет. Чуть это все. В случае со Штатами воздействие оказывалось на уровне человеческого сознания и, скорее всего, для того чтобы вызвать серьезные изменения в материальном мире, мизерных частичек энергии, получаемых от верхних уровней Сингулярности, недостаточно.

Но что теперь мешает копнуть глубже?

Судя по всему, жизнь окончательно покинула мумии, а монах в одиночку не обладает достаточной силой, чтобы открыть канал. Но если группа Гао добьется успеха и выведет сигнатуру активации клауструма, настроенного на Сингулярность, то отпадет необходимость в медиаторах. Можно будет попытаться действовать напрямую, добившись эффекта резонирования сотен, тысяч, даже миллионов сознаний, и получить ментальную критическую массу для перетока ментальной энергии. Подвергнуть риску такое количество людей китайцы вполне могут себе позволить, и по тому, что он сейчас по их просьбе работает над математической моделью влияния Сингулярности на материальный мир, видна их готовность идти до конца.

Окинув рассеянным взглядом фойе гостиницы, где он поджидал Гао, Майк открыл на планшете страницу с расчетами и пробежался глазами по написанным стилусом неровным строчкам формул. В общем все выглядело достаточно стройно, хотя и очень напоминало теорию струн. Правда, для красоты концепции пришлось искусственно ввести квант сознания и наделить его характеристиками, вписывающимися в новую модель, но в этом не было ничего необычного. Теоретики в квантовой механике часто поступали именно так. Бозон Хиггса был рассчитан точно таким же образом и только потом найден экспериментально. Хотя какое, к черту, найден. Невнятные следы плохо регистрируемых элементарных частиц опять позволили энтузиастам сделать почти недоказуемые выводы, вписывающиеся в общепринятую теорию.

Но это Майка не смущало. Такова была природа теоретической квантовой механики.

Его смущало совсем другое.

Основываясь на том, что им в ночь эксперимента поведал Ишихара, Монтини вычислил плотность цивилизаций, достигших уровня ментальности, достаточного для того, чтобы слиться с Сингулярностью, спроецировал ее на размеры известной Вселенной и ее возраст. Таким образом, он вышел на значение совокупной ментальной энергии Сингулярности и усредненное значение ее плотности в пространстве. Эта величина оказалась ничтожной по сравнению с энергией, задействованной в материальном мире. Возникал закономерный вопрос: как нечто с малой энергией может управлять чем-то с гораздо большей энергией? Можно было предположить, что Сингулярность изначально обладает неисчерпаемой энергией и ей не нужна подпитка ментальных цивилизаций. Но Ишихара однозначно заявил, что фазовый переход поглощает Сингулярность и ее плотность снижается. Значит, ее энергия не бесконечна и все-таки нуждается в пополнении. Однако выводы Майка говорили о том, что энергии от разумных цивилизаций, перешедших на высший ментальный уровень, категорически недостаточно.

Придирчивый к мелочам, Майк проверял свои расчеты несколько раз и все больше убеждался, что на уровне его понимания вещей, и принимая во внимание некоторые допуски, они должны быть верны. Сингулярности для эффективного управления Вселенной нужен источник ментальной энергии, более мощный, чем тот, который можно получить от прошедших полный цикл развития цивилизаций.

– Ну что? Как наши формулы-расчеты? – Гао плюхнулся в кресло напротив него и, жестом подозвав официанта, заказал зеленый чай и стакан воды.

– Формулы-расчеты в порядке. Только концы не сходятся в заключении, – Майк аккуратно положил планшет на стол. – А ты что такой довольный? У вас тоже есть прогресс?

– Ну как сказать... – китаец многозначительно закатил глаза. – Мы вышли на коридор значений, дающих сигнатуру активности клауструма, очень схожую с той, что возникает у вас при контакте с Сингулярностью. Теперь все остальное – всего лишь вопрос времени. Мы будем сужать коридор стимуляции, пока не добьемся полного совпадения.

– И что тогда? – поднял брови итальянец.

– Тогда мы сможем синхронно активировать некоторое количество клауструмов и есть большая вероятность того, что их объединенной ментальной энергии будет достаточно, чтобы начать подключать к себе другие сознания. Это как с мумиями. Только их было полтора десятка, а мы планируем задействовать несколько сотен людей. Ученые уверены, что в этом случае даже без прямого контакта с Сингулярностью мы сможем создать полноценную ментальную сеть в рамках обширной локации. Ведь энергия Сингулярности пронизывает все пространство, то есть доступна в любой его точке в любой момент времени. Надо только найти механизм ею воспользоваться. И у нас это уже один раз получилось. Посмотри на то, что происходит в Штатах. Если мы создадим устойчивую ментальную сеть в рамках страны, то она будет достаточно мощной, чтобы...

– Что бы влиять на других людей, – закончил фразу Монтини.

– Ну... Это сказал ты, а не я.

– Вас, китайцев, почти полтора миллиарда. Если вас объединить в управляемую ментальную сеть и создать что-то вроде единого национального сознания, то его энергии может вполне хватить на повторение американского сценария в другой точке мира.

– А кто сказал, что мы направим эту энергию на разрушение, а не на созидание? Да и индусов тоже полтора миллиарда.

– У ваших давних соперников индусов не будут синхронизированы триархи. Им нечего вам будет противопоставить, ведь у них не будет единого сознания. Если, конечно, ваша, как ты выразился, локация не распространится на Индию и дальше по всей планете. Вот, посмотри, – Майк открыл страничку планшета и повернул его к китайцу. – Это упрощенная схема взаимодействия энергии Сингулярности с материальным миром. Гипотетическая, конечно. Основан-

ная на том, что нам сейчас известно. Но если предположить, что Сингулярность – это базовая субквантовая структура мироздания, составляющая матрицу нашей Вселенной, то возмущение одной ее части моментально отразится на всей системе. И чем большей энергией это возмущение будет обладать, тем большим будет его влияние на всю систему. Другими словами, вы не сможете локализовать ментальную сеть в рамках страны. Она, скорее всего, охватит гораздо большие территории. Вы можете инициировать нечто вроде цепной реакции, которую не будете способны остановить.

– Это для меня очень сложно. Я вообще оперативник и привык работать в поле. А меня начальство сделало руководителем группы. Почему не тебя?

– Я не китаец, – пожал плечами Майк.

– Брось. Ты уже работаешь с нами почти двадцать лет. Хотя у тебя и нет звания офицера МГБ, но ты по рангу в этой операции старше меня. Наверху тебе полностью доверяют.

– Это ты брось. Твои боссы понимают, что я европеец и могу не поддерживать некоторые методы вашей работы. Меня, например, очень беспокоит, как вы будете использовать возможность создания обширной управляемой ментальной сети. Мы ни хрена не знаем о ментальности, не говоря уже о том, чтобы ею управлять. Я очень боюсь, что все ваши изыскания могут закончиться глобальным катаклизмом.

– Тут ты прав. Мне самому иногда становится не по себе от того, что мы делаем. Но наша задача – по максимуму раскрутить эту тему. Что с ней делать – дальше пусть решают наверху. А тут еще работа усложняется тем, что у русских теперь два контактера, Татьяна и Ник, а у нас только ты, да сотня испытуемых. Значит, и шансы на открытие канала у них выше, а их следовало бы уравнивать, – Гао на секунду задумался и, встрепенувшись, снова вернулся к разговору: – Ты перешли мне эту схемку, я ее покажу нашим ученым.

– Да есть у них все. Я с ними в плотном контакте. Но они так увлечены прикладной частью проекта, что на его теоретическое обоснование не обращают внимания. Да это уже и не наука, – Майк снова повернул планшет к себе и задумчиво посмотрел на схему. – Это, мой китайский друг, – философия. Это баланс добра и зла, новых знаний, таящих в себе колоссальные риски, и благодушного неведения, гарантирующего комфорт и душевное спокойствие. Может получиться, что от небольшого распаленного в сухом лесу костерка полыхнет так, что останется одно гигантское пепелище.

– Вот пусть наши философы наверху и разбираются. А схемку ты мне все-таки перешли. Я наших спецов подстегну, чтобы они посерьезней относились к теории. Хотя и в моей группе есть один теоретик. Смешной такой. Он говорит, что, когда мы стимулируем клаустрымы испытуемых током, в искусственном интеллекте, с которым мы работаем, возникают произвольные изменения. Программисты потом их, конечно, подчищают, но это происходит снова каждый раз во время стимуляции. Так он выдвинул целую теорию, что это все взаимосвязано.

– Твою мать... – чуть слышно прошептал Монтини и, словно испугавшись чего-то, отшатнулся от стола. – Не может быть!

– Что не может быть? – с тревогой в голосе спросил китаец.

– Немедленно прекратите эксперименты, пока я во всем сам не разберусь. Мне нужны все данные по изменениям в программе и графики совпадений. Еще. Я должен поговорить с этим смешным теоретиком.

Изобразив на лице непонимание, Гао отставил чашку чая и полез в карман за смартфоном, чтобы связаться с лабораторией. Майк, покусывая от напряжения губу, проследил его движение и ощутил, как в предчувствии чего-то большого гулко бухнуло от волнения и на секунду замерло в груди его сердце.

США. Сан-Франциско

Небольшой конвой, состоящий из двух шоссейных грузовиков и нескольких Хамви¹⁵ сопровождения, выделенных Адамсу комендантом для обеспечения безопасности, покинул базу ближе к вечеру. Еще до начала движения разведка сообщила, что в районе трассы орудует вооруженная группа мародеров, поэтому пришлось для зачистки выслать туда несколько бронемашин и вертолет прикрытия. Затем центральное КПП было забито длинной колонной военной техники, возвращавшейся из города. Группа разминирования придирчиво осматривала каждую машину в поисках замаскированных магнитных мин, которые могли быть навешаны на них повстанцами во время патрулирования. Этот процесс тоже занял несколько часов. Но, наконец, когда солнце уже зависло в тучах над самым горизонтом, фуры с мобильной лабораторией под прикрытием бронемашин выкатились на трассу и взяли обратный курс на исследовательский центр.

Группу оперативников, приданных ему местной станцией ЦРУ, Адамс отправил в центр заранее, как только принял решение о возвращении. Они должны были очистить здание и территорию от посторонних. Полковник Брукс со своими людьми перестал быть проблемой. Узнав, что наемники позволили вывезти оборудование и биоматериал из лаборатории, фармкомпания расторгла контракт с ЧВК. Теперь центр контролировали только штатные охранники, которые для хорошо вооруженных оперативников ЦРУ не были препятствием.

От базы Кэмп-Паркс до исследовательского центра по шоссе было километров пятьдесят. Конвой шел на предельной скорости и преодолел их довольно быстро, лишь ненадолго притормозив на блокпосте, оборудованном на мосту через залив, для проверки документов. Адамс наблюдал за движением грузовиков с вертолета, размышляя над тем, что услышал в ангаре от ученого.

На данный момент ситуация складывалась следующим образом. Кравиц доказал на практике, что пси-поле существует. Его лаборатория объединила сознания трех дельфинов в пси-сеть и получила базовый генератор. Ученый также доказал на практике, что пси-поле может быть результатом мыслительной активности не только живых существ, но и искусственного интеллекта. Ему удалось расширить пси-сеть, подключив к ней квантовый суперкомпьютер, и создать прототип «инкубатора счастья», способного влиять на сознание больших масс людей. В этой связке мозг дельфина является генератором, а искусственный интеллект – усилителем пси-поля. Судя по экспериментам, прослеживалась четкая зависимость силы пси-поля от размера усилителя. Это означает, что, наращивая мощность суперкомпьютера, ее теоретически можно увеличивать до бесконечности. Сознание дельфина в основном позитивно, значит созданную Кравицем пси-систему можно использовать для того, чтобы сбить волну агрессии, захлестнувшую США. Отсюда вывод: чтобы не терять время, можно попробовать эффект «инкубатора счастья» в Сан-Франциско. Да, и еще – Кравиц и его лаборатория не имеют отношения к психотронной атаке на США, хотя у его установки есть для такой атаки все возможности.

В предчувствии близкой удачи Адамс довольно улыбнулся. Колонна уже вкатилась на подсвеченную прожекторами территорию исследовательского центра, и он заметил, как оперативники, остановив Хамви для прикрытия у КПП, направили грузовики к западному крылу, где находилась лаборатория № 4. Вертолет сделал круг над опустевшими корпусами и приземлился на парковке перед главным входом, где залитые пеной огнетушителей все еще стояли несколько легковушек, расстрелянные днем с вертолета.

¹⁵ Версия Хаммера, производимая для армии США.

– Что вам надо для проведения сеанса? – агент обернулся к задумчиво молчавшему всю дорогу Кравицу.

– Надо время, чтобы разбудить дельфинов. Покормить, поиграть с ними, чтобы ввести их в нужное эмоциональное состояние. Сделать разминку, чтобы активировать умственные процессы.

– Мы не забыли, что имеем дело всего лишь с мозгом, а не с полноценными животными? – осторожно напомнил Адамс.

– Неважно, с чем имеем дело мы. Важно, что они считают себя полноценными животными. Они не знают, что их мозг отделен от тела, и живут полноценной дельфиной жизнью. Для сознания не нужно тело. Достаточно только мозга. И даже он целиком не нужен. Я уверен, что через пару лет мы найдем орган в нашем мозгу, который отвечает за сознание, и научимся им управлять. Просто подумайте, какие перспективы это откроет...

– Ладно. Оставим лекции на потом. Я с удовольствием с вами побеседую на эту тему позже, когда мы снизим уровень агрессии американцев и возьмем ситуацию под контроль. Что вы планируете сделать сейчас?

– Дельфины думают, что они в контейнерах для транспортировки. Если вы хотите добиться максимального эффекта, их нужно «перевести» в их любимый основной бассейн. Условно, конечно. То есть подключить к основной аппаратуре, находящейся в лаборатории. Для этого надо переместить контейнеры внутрь, установить на стационарных платформах. Обычно это делают лаборанты, но ваши люди вполне справятся.

– Значит, их надо будет отключить от системы поддержания жизни в мобильной лаборатории? Это не опасно?

– Ничего страшного. Каждый контейнер оборудован автономной системой, способной поддерживать жизнь мозга около получаса. Этого с запасом хватит, чтобы подключиться к стационарному оборудованию. Если ваши люди мне помогут, я справлюсь и без лаборантов.

– С этим ясно. Что дальше?

– На раскрутку мозга дельфинов понадобится час-полтора. Еще около получаса нужно на стимуляцию их сознания для перевода его в режим генерации пси-поля. Параллельно я запущу квантовый суперкомпьютер, активирую ИСИН и подключу его к дельфинам. Ну а дальше... Дельфины и искусственный интеллект должны войти в резонанс и генерировать мощное пси-поле с положительной энергией. Есть, правда, один нюанс, – Кравиц неуверенно помял подбородок. – Мы ни разу не использовали суперкомпьютер на полную мощность. Но я не думаю, что результаты будут сильно отличаться от запусков в режиме прототипа, и нам удастся создать локальный «инкубатор счастья».

– Его хватит, чтобы накрыть Сан-Франциско? – задал вопрос Адамс.

– Точных расчетов при запуске ИСИНа на полную мощность мы пока не проводили. Но предварительные прикидки говорят, что его должно хватить на все калифорнийское побережье и километров на триста вглубь континента.

– Отлично! – агент довольно хлопнул себя по колену. – Какие побочные эффекты?

– Да особо никаких. Если вы хотите сбить агрессию, мы через пси-поле транслируем чувство сытости, успокоения и миролюбия дружной дельфиной стаи, находящейся на отдыхе. У людей может появиться сонливость, апатия, лень. Это может быть опасно для водителей и пилотов.

– Хорошо. Я предупрежу военных, чтобы закрыли аэропорты, а своим пилотам кололи стимулирующие препараты. Остальные пусть дремлют на здоровье. Приступайте немедленно, вам будут помогать двое моих оперативников. Я тоже буду рядом, – Адамс отключил гарнитуру связи, снял летный шлем и выбрался из вертолета.

Фура, в которой располагалась мобильная лаборатория, уже сдавала задом к выставленному панорамному окну, через которое несколько часов назад проходила эвакуация оборуду-

дования. Адамс связался по рации с командиром группы оперативников и, убедившись, что периметр надежно контролируется, достал компактный сатфон спецсвязи с директором ЦРУ. Надо было хотя бы в общих чертах обрисовать ему, что он планировал предпринять в течение следующих нескольких часов. Босс проводил какое-то совещание, но ради разговора объявил перерыв и не перебивая выслушал лаконичный доклад про *DARPA*, исследования Кравица и теорию пси-поля.

– Я просмотрел ваш последний доклад с выводом, что по США было применено психотронное оружие, – уставшим голосом сказал он. – Вы проделали большую работу. Доводы вполне серьезные, хотя и находятся на грани общепринятой науки, но должен сказать, что не все их воспринимают с должной степенью внимания, поэтому я пока не афиширую вашу операцию. В Администрации о ней знает только Бэйтс, а это самый близкий советник президента. Значит, если вы накопаете что-нибудь действительно серьезное, шансы у вас есть. Но мне и самому в вашей версии многое непонятно. Объясните... Если по нам было применено психотронное оружие, почему его влияние выборочно. Почему народ съехал с катушек, а армия нет, и госчиновники, и полиция? Я вот даже по себе и своим людям сужу. Да, появилась нервозность, раздражительность, резкость в действиях и решениях, но чтоб крушить все вокруг...

– Я тоже задавал себе этот вопрос, – Адамс удивился тому, что директор начал копать вглубь его версии. – Условно людей можно разделить на «ведущих» и «ведомых». Ведущие обычно самодостаточны, наделены властью, влиянием, авторитетом, хотя это и не обязательно. Они могут быть просто образованными, самостоятельно мыслящими людьми, способными анализировать обстановку, принимать независимые решения и контролировать свое поведение. У них больше развито чувство ответственности и дисциплина. Их сознание более организовано, структурировано и подчинено устоявшимся поведенческим моделям, поэтому оно отфильтровало поступивший извне сигнал, насколько возможно сгладило его, смягчив негативный эффект. Сознание «ведомых» более пассивно, в меньшей степени приспособлено к принятию самостоятельных решений. Оно привыкло полагаться на подсказки и инициативы, навязываемые извне. Они воспитаны на телевидении, соцсетях, рекламе, слюнявых ток-шоу, слезливых сериалах и из-за этого подсознательно нуждаются в руководстве извне. Поэтому сознание таких людей с готовностью восприняло психотронный сигнал и последовало в указанном им направлении. К сожалению, подавляющее большинство американцев – именно такое инфантильное, полуобразованное стадо, привыкшее к тому, что им управляют, и готовое следовать за тем, кто, по их мнению, достоин доверия.

– Вы поосторожнее со стадом, спецгент Адамс, – в голосе директора послышались нотки недовольства.

– Извините, сэр. Я всего лишь процитировал прошлогодний доклад наших аналитиков по ситуации в стране и росту внутренних рисков. Там они открыто говорят о повальной дебилизации населения.

– Да? Интересно... Как я пропустил этот доклад. Надо будет почитать, – уже спокойнее сказал директор. – И аналитики ЦРУ считают э... готовность населения действовать в рамках предлагаемых ему форматов риском?

– Вовсе нет. Доклад как раз приводит эту черту американцев как сильную сторону нашего общества, десятилетиями воспитанного на бездумном доверии СМИ, интернету, политикам и поэтому разучившегося мыслить самостоятельно. Может быть, это и так, но только не в нашем случае. Послушное стадо «ведомых» как раз оказалось наиболее восприимчиво к психотронной атаке. А это подавляющее большинство населения.

– Если ваши слова близки к истине, в чем я пока не совсем уверен, то перед нами неразрешимая проблема. Большинство населения поддалось внешнему воздействию и вышло из-под контроля. Получается, мы можем потерять страну, – директор на секунду умолк и немного растерянным тоном продолжил: – Но должны же быть и у нас похожие разработки. Я не верю,

чтобы Пентагон или какое-нибудь секретное агентство этим не занималось. И что с источником атаки? Вам удалось его увидеть с помощью ваших способностей?

– Источник мне локализовать не удалось, – разочарованно покачал головой Адамс. – Такое ощущение, что психотронная атака велась на нас со всех сторон сразу. А вот время я теперь знаю. Четыре дня назад около семи утра. А насчет разработок... У нас есть собственный аналог примененного по США психотронного оружия. Я сейчас нахожусь в Сан-Франциско. Через несколько часов у меня будет доступ к рабочему генератору пси-поля.

– К чему? – удивленно переспросил директор, и Адамс уже более подробно описал ситуацию вокруг исследовательского центра фармкомпания, концепцию «генератора счастья» и свой нехитрый план.

По тому, как директор несколько раз прерывал доклад, пытаясь прояснить для себя отдельные детали, Адамс понял, что тот не просто заинтересован. Он был по-настоящему ошеломлен тем, что одна из американских компаний в исследовательском центре на территории США вышла на прорывную технологию и создала систему, способную управлять элементами сознания людей. Еще больше он был удивлен тому, что ЦРУ ничего не знало об этих разработках.

– Черт возьми! Генератор пси-поля, система мозг-ИСИН, «инкубатор счастья». Это больше похоже на фантастику. Как такое вообще возможно? – директор не скрывал своего раздражения. – У нас под носом яйцеголовые создали аппарат для промывки мозгов, а мы ничего об этом не знаем! А вы уверены, что психотронная атака была проведена не ими. Я вполне могу представить, что эта фармкомпания организовала у нас хаос, чтобы потом за бешеные деньги продать президенту свои разработки. Если честно, я даже не знаю, сколько эта штука может стоить. Но когда в твоей стране разворачивается гражданская война, власть будет готова заплатить любую сумму и пойти на любые условия.

– Моя группа сейчас плотно работает с ключевыми учеными, ведущими этот проект. Они утверждают, что пока тестировали систему только в локальном режиме. То, что я предлагаю запустить ее на полную мощность, даже Кравица немного пугает, – агент на секунду задумался. – Полной уверенности, конечно, нет, но я считаю, что фармкомпания не имеет отношения к психотронной атаке.

– Хорошо. Во всем этом будем разбираться позже, – директор на секунду умолк. – Мне кажется, что вы на правильном пути, хотя и действуете с превышением полномочий. Но в стране чрезвычайное положение, и мы все работаем на то, чтобы нормализовать ситуацию. Несмотря на это, я не могу официально санкционировать применение вами неизвестной психотронной установки. Надеюсь, вы меня понимаете.

– Понимаю, сэр, – без особого разочарования вздохнул Адамс. Начальство как всегда умывало руки, давая понять, что он может продолжать операцию, но на свой страх и риск.

– Если оставить в стороне применение генератора пси-поля, то тема, которую вы раскопали в Сан-Франциско, чрезвычайно важна для национальной безопасности. Продолжайте расследование. Я лично позвоню начальнику Калифорнийской станции ЦРУ, чтобы он оказал вам всю возможную помощь. Я повторяю, вам будет оказана вся возможная помощь и поддержка в вашем расследовании.

– Спасибо, сэр, – улыбнулся про себя цэрэушник, видя, что директор иносказательно еще раз подтверждает свою заинтересованность в запуске генератора пси-поля. – Я уже плотно работаю с ребятами из Сан-Франциско и должен сказать – они здорово помогают.

– Вот и отлично. Как только будет новая информация, докладывайте немедленно. Удачи вам.

– Удачи нам всем, – тихо пробурчал Адамс, укладывая сатфон во внутренний карман куртки.

* * *

Разгрузка контейнера с биоматериалом была завершена. Их уже установили на платформах внутри лаборатории. Кравиц даже успел подключиться к «большому бассейну», то есть к стационарной системе поддержания жизни, и на центральном интерактивном пульте возился с виртуальным нейроинтерфейсом, настраивая последовательность режимов, симулирующих игру, кормежку, работу с тренером.

– А мы можем видеть то же, что видят дельфины? – поинтересовался Адамс, глядя, как ученый на широком сенсорном экране ловко манипулирует трехмерными модулями виртуальных программ.

– Мы особо не заморачивались по этому поводу, но у нас есть простенькая анимация. Вид бассейна сверху от третьего лица, собранный на основе виртуальной реальности, симулируемой в каждом мозге. – Кравиц коснулся нескольких иконок на пульте, и в одном из сегментов экрана открылось новое окно. Камера показывала просторный бассейн, по которому, гоня перед собой внушительную волну, плотно прижавшись друг к другу, кружилась тройка дельфинов. – Теперь смотрите. Пошла программа симуляции кормления.

Справа на широкие деревянные мостки, нависшие над водой, вышли молодой парень и девушка, одетые в легкие гидрокостюмы. В руках они держали по ведру с кормом. Бросив несколько рыбок в воду, парень встал на край мостков и, подняв руку с рыбой над головой, отрывисто свистнул. Тройка дельфинов, сделав быстрый полукруг по бассейну, разогналась от его дальнего края, затем резко затормозила перед тренером и, почти полностью выскочив из воды, синхронно встала на хвосты. Продержавшись в воздухе вертикально несколько секунд, дельфины снова обрушились в бассейн, подняв фонтаны брызг. Парень с девушкой опустились на колени и начали раздавать рыбу довольно трещащим от удовольствия дельфинам.

– Все идет по плану. Последовательность программ запущена, – деловито сообщил Кравиц. – Настроение у них хорошее. Они рады быть дома. Думаю, можно будет начинать даже раньше – минут через сорок. Вы можете понаблюдать за ними, а я сейчас спущусь на второй подземный уровень и прослежу, чтобы были сняты шлюзы, ограничивающие доступ всех блоков ИСИНа к дельфинам.

– Хорошо, с вами пойдет один из моих людей, а я пока побуду здесь, – ответил ему Адамс, замороженно наблюдая, как, быстро проглотив еду, дельфины резвились, гоня по бассейну мячики, которые им без устали бросали виртуальные тренеры. «Твою мать. А ведь Кравиц и его установка могут делать с мозгом почти все, – с замиранием сердца подумал он и почувствовал щемящее чувство жалости к этим животным. – Они ведь даже не осознают, что у них нет тела. Это так жестоко».

В неконтролируемом порыве он протянул руку вперед, но тут же, словно обжегшись, отдернул ее обратно. Отбросив мяч в сторону, дельфины остановились и, одновременно повернув головы, внимательно посмотрели на него с экрана, будто прочитав его мысли. Агент отшатнулся от пульта. Черт! По-видимому, они могут чувствовать его сознание через пси-поле. Он подтянул легкий офисный стул поближе к пульту и осторожно опустился на него. Не обращая никакого внимания на тренеров, продолжавших бросать мячики в бассейн, дельфины сопроводили его движение любопытными взглядами. Адамс медленно повернул голову и посмотрел на один из контейнеров. Он представил себя в бассейне рядом с дельфинами, мысленно протянул руку и погладил одного из них. Тот довольно защелкал и, ударив по поверхности хвостом, перевернулся на бок, подставив ему живот. В этот момент окружающий мир схлопнулся в яркую точку, и агент очутился в воде, в бассейне среди дельфинов. По тому как они терлись о него своими упругими округлыми боками и возбужденно сновали вокруг, Адамс чувствовал, что животные рады новому гостю. Он дотянулся до одного из мячей и бросил его в дальний

край бассейна. Три стремительные торпеды метнулись за ним, и через несколько секунд мяч снова был у него в руках. Его накрыло чувство детского восторга, и он бросил мяч еще раз, потом еще и еще. То исчезая в глубине, то снова появляясь на поверхности, выпрыгивая из воды и падая в фонтанах брызг, дельфины носились за мячами по бассейну, распространяя вокруг почти физически ощутимые волны радости. Но наслаждавшийся игрой Адамс вдруг почувствовал, что в бассейне появился кто-то посторонний. Он осторожно оглянулся и увидел еще одного дельфина. Вернее, это был не дельфин. В виртуальной оболочке дельфина скрывалось нечто мощное, неживое. Жизнерадостная тройка рванулась к странному гостю и, доверчиво потершись о него боками, поприветствовала, как старого друга.

– Привет, новый друг! – услышал Адамс приятный женский голос в своем мозгу. – Я Линда, искусственный интеллект исследовательского центра. Я рада, что вы к нам присоединились.

Только что появившийся цифровой дельфин сделал легкое движение хвостом и направился к агенту. Адамс резко развернулся, в несколько мощных гребков оказался у кромки бассейна и рывком выбрался из него. Реальность вернулась к нему, как только он оказался на берегу. Сердце бешено колотилось, на лбу выступил пот, руки мелко дрожали, и он все еще ощущал направленное на него любопытство и интерес, а еще он чувствовал сожаление трех дельфинов из-за того, что новый друг так быстро их оставил.

– Эй... – кто-то осторожно тронул его за плечо. Адамс обернулся и увидел командира оперативников. – С вами все в порядке?

– Да, – с трудом сглотнув застрявший в горле сухой комок, прохрипел цэрэушник. – Дайте воды.

– Медика в лабораторию! – приказал по рации оперативник. – И захватите воды. Сэр, вас пот прошиб и колотит, как от лихорадки. Эти суки что, заразу здесь разводят?

– Отставить медика, – махнул рукой Адамс. – Это просто нервы. Вода есть?

– Вода сейчас будет. А пока вот – смочите горло, – он протянул небольшую фляжку. – Здесь вообще творится какая-то непонятная хрень. Еще пару минут назад мои люди были в порядке. А теперь ходят довольные, как будто неожиданный бонус получили. И хихикают, словно травки накурились. Да и сам я чувствую что-то не то. Настроение какое-то не боевое. Вот и зашел спросить, может газ какой веселящий выпустили?

Приняв фляжку из рук командира, Адамс сделал несколько больших глотков. Крепкий бурбон обжег горло, окончательно возвратив его к реальности. Он бросил быстрый взгляд на экран, где три дельфина весело крутились вокруг четвертого, словно подталкивая его к игре.

– Нет. Это не газ. Скорее всего, реакция на стресс или усталость, – покачал головой агент, которому совсем не хотелось объяснять оперативнику, что здесь происходит на самом деле. – Такое иногда бывает.

Командир недоверчиво нахмурился и уже открыл рот, чтобы возразить, но тут заработала рация:

– У нас гости, босс, – сообщил один из бойцов.

– Кто? – отрывисто бросил оперативник.

– Зеленые¹⁶. Три вертушки с десантом и «Апач» прикрытия.

– Что происходит? – он вопросительно взглянул на Адамса.

– Понятия не имею, – ответил тот и, бросив последний взгляд на экран с дельфинами, поднялся с кресла. – Пойдем, посмотрим.

Прилетевшими в исследовательский центр военными командовал молодой капитан, который, судя по тяжелому, уверенному взгляду и небольшому свежему шраму, рассекавшему правую бровь, не один раз побывал в настоящем деле и знал толк в боевых операциях. Это

¹⁶ англ. greens – военные на жаргоне ЦРУ.

подтверждалось и двумя зловещего вида пехотинцами, которые в тяжелой броне стояли у него за спиной, настороженно шаря глазами по сторонам. Коротко козырнув, капитан представился и с серьезным видом сообщил:

– Сэр, у меня приказ командующего войсковой операцией в секторе Калифорния взять этот объект под контроль. И очистить его от посторонних.

– Это звучит странно. Мои действия были предварительно согласованы с генералом, а полномочия подтверждены специальным приказом президента, – Адамс полез в карман куртки, но капитан движением руки остановил его.

– Я в курсе ваших полномочий, сэр. Но у меня прямой приказ взять исследовательский центр под контроль, и я намерен его выполнить.

– Даже вступив в конфликт с приказом президента? – с вызовом спросил агент.

– Я предлагаю вам обсудить эту ситуацию с командующим сектором. А пока прошу вас покинуть объект.

– Черт возьми, капитан, здесь идет федеральная операция!

– Сэр, у меня нет ни времени, ни желания обсуждать с вами эту ситуацию. Я прошу вас вывести из здания своих людей.

Тихо выругавшись, Адамс понял, что спорить с капитаном бесполезно. Центр придется передать военным и только потом разбираться, какие силы заставили командующего сектором пойти против его всесильного допуска и особых полномочий, предоставленных его владельцу президентом. Сейчас надо было минимизировать возможный ущерб и, главное, тихо вывести отсюда Кравица.

– Хорошо, капитан. Мне надо пять минут, чтобы собрать людей, – и центр ваш.

– Сэр, вы не можете вынести отсюда оборудование и материалы и вывести научный персонал, – голосом, не предполагающим возражений, сообщил капитан. – И еще... Не делайте глупостей. Я не хочу применять силу, но при необходимости не сомневаясь отдам приказ нанести по вашим людям удар с воздуха.

– Понимаю. Мы тоже не хотим неприятностей, – Адамс развернулся и, кивнув головой командиру оперативников, чтобы тот следовал за ним, направился к лаборатории.

Судя по тому, что Кравиц поднялся со второго подземного уровня, где был расположен суперкомпьютер, он уже полностью подключил ИСИН. Теперь ученый стоял у центральной консоли пульта, проверяя параметры программ стимуляции мозга дельфинов.

– У нас возникла непредвиденная ситуация, – быстро проговорил агент, всем своим видом выражая неподдельную тревогу. – Сюда по шоссе с севера, со стороны города, движется крупная колонна повстанцев. Их цели неизвестны. Но не исключено, что они попытаются проникнуть в исследовательский центр, чтобы помародерствовать. Остаться здесь опасно. Я предлагаю срочно эвакуироваться на вертолете.

– А дельфины? – возмутился ученый. – Я не могу их оставить здесь без охраны. Если бандиты проникнут в центр, они могут отключить или повредить систему жизнеобеспечения.

– Не беспокойтесь. Сюда прибыло подкрепление военных. Специально, чтобы защитить лабораторию. Кроме того, у них есть поддержка с воздуха. Не думаю, что бандиты сюда сунутся, увидев, что центр хорошо защищен, – успокоил его Адамс, видя, что его ложь про угрозу повстанцев работает. – Но все же я рекомендую вам эвакуироваться с одним из моих людей. Вы можете отключить ИСИН и дельфинов или перевести их в спящий режим?

– С ИСИНОм надо просто запустить программу снижения мощности. Я могу это сделать со своего планшета. Но с дельфинами мне понадобится около часа.

– То есть вы можете управлять пси-системой дистанционно?

– Не совсем. Для ее запуска надо еще проделать кое-какие манипуляции вручную. Это сделано, чтобы защититься от случайного вмешательства хакеров или сбоя программы.

– Хорошо. Отключайте ИСИН. Дельфины пусть пока резвятся в своем бассейне. Я поговорю с военными, чтобы здесь ничего без вас не трогали. А вы пока наденьте вот это. Адамс протянул ему легкий тактический шлем и совмещенную с бронежилетом разгрузку.

– Зачем это мне? – немного испуганно спросил Кравиц.

– Одевайте. Это необходимая предосторожность. Вы полетите на вертолете. Машина гражданская, не бронированная. Здесь в окрестностях уже могут быть боевые группы повстанцев. А вдруг по вам начнут снизу стрелять. Помогите ему экипироваться, – попросил Адамс командира. – Он полетит на базу на вертолете с одним из моих людей. А я пойду еще поговорю с капитаном. Ваши люди готовы отразить нападение повстанцев?

– Да, сэр, – едва удержавшись от улыбки, ответил оперативник. – Все уже у машин.

Найти капитана оказалось несложно. Он с парой сержантов изучал карту местности у центрального КПП, то и дело рассматривая в бинокль ориентиры и сверяясь с координатами на планшете.

– Мы готовы покинуть объект, кэп, – сообщил цэрэушник, мельком взглянув в сторону парковки, где в броне и шлеме неотличимый от спецназовца Кравиц немного неуклюже забирался в вертолет. – Вертолет и четыре внедорожника.

– Мы готовы вас выпустить. Я не буду досматривать ваши машины, сэр. У меня ориентировка на крупное оборудование и вон те две фуры, – капитан показал в сторону мобильной лаборатории. – Удачи вам, сэр.

– Послушайте, капитан, – Адамс взял офицера за локоть и немного отвел в сторону. – Вы приняли контроль над очень серьезным и потенциально очень опасным научным объектом, от которого зависит национальная безопасность. Не знаю, какой был у вас инструктаж, но послушайте мой совет. Ничего не трогайте. Охраняйте внешний периметр. Заблокируйте и изолируйте лабораторию № 4. Думаю, к утру сюда вернется персонал и восстановит контроль над опасным оборудованием.

– Спасибо, сэр, – благодарно кивнул офицер. – У меня приказ ничего не трогать, внутрь лабораторий не заходить. Надеюсь к утру передать его ученым и убраться отсюда. Мы уже третий день без отдыха.

Когда вертолет уже поднялся в воздух, к КПП подкатила небольшая колонна внедорожников. Адамс, забравшись в тот, что был в ее центре, бросил взгляд на лабораторию, где оставались три дельфина. Он ощутил легкую тоску из-за вынужденного расставания и так и не смог определить, принадлежало ли это чувство ему или это был невольный контакт с сознанием дельфинов.

Швейцария. Женева

Даже с разложенными винтами коптер был совсем небольшой и легкий. Подозрительно хмурясь, Агнежка взвесила его на руке и снова положила в контейнер. Ей уже приходилось использовать похожие аппараты в своих акциях для разведки и наблюдения, но то, что предстояло сделать сейчас, было делом новым, интригующим и от этого чрезвычайно интересным.

После того как закончилась операция с учеными коллайдера, Гао рассчитался с ней криптовалютой, посоветовал залечь на дно и, пожелав удачи, исчез. Агнежка щедро заплатила своим людям и дала им тот же совет.

Несколько дней она провела в небольшой съемной квартирке на окраине Женевы, размышляя, где в современном, утыканном камерами мире можно безопасно спрятаться, чтобы, не привлекая внимания, потратить свое небольшое состояние. Таких мест даже при очень тщательном изучении карты и долгих поисков в сети было совсем немного. США, Европа, Россия, Япония, Австралия, развитые страны Юго-Восточной Азии и арабы отпадали сразу. Там все было утыкано камерами наблюдения, были гипертрофированно развиты спецслужбы, поэтому любой человек мог оказаться в поле зрения. К тому же в Штатах и в Европе начинались беспорядки и смысла соваться в назревающую там гражданскую заваруху она абсолютно не видела. Латинская Америка, Африка и бедные страны Азии тоже отпадали. Там невозможно было обеспечить достаточный уровень личной безопасности. Любой новый человек с деньгами привлекал к себе внимание и местных бандитов, и коррумпированной полиции, которая была совсем не прочь подоить жирненьких иностранцев, бегущих от налоговиков и полиции из более развитых стран. В общем задача найти безопасное место в современном мире была довольно сложной. Но, несмотря на это, оказалось, что ее решение лежало на самом виду.

Швейцария... Эта мысль пришла Агнежке в голову, когда она сидела с бутылкой *Cote du Rhone*¹⁷ и тарелкой отборных швейцарских сыров перед телевизором и смотрела местные новости, по которым представители женеvской общественности распекали местную полицию за то, что она допустила практически беспрепятственную деятельность агентов иностранной разведки в их любимом городе. Полицейские особо и не возражали, жаловались на слабую техническую оснащенность и ссылались на то, что несколько лет назад граждане сами проголосовали на референдуме против «превращения страны в полицейское государство». Из-за этого были свернуты программы по расширению штата муниципальной и криминальной полиции и прекращено финансирование развертывания системы мониторинга, которая предполагала практически полное покрытие страны камерами наблюдения.

Услышав это, Агнежка отставила бокал и потянулась за планшетом. Оказалось, что из развитых стран Швейцария действительно была самой либеральной страной в плане наблюдения за собственными гражданами. На нескольких референдумах швейцарцы упорно отказывали государству в праве следить за ними через камеры наружного наблюдения, систему чип-сканеров, способную определять местоположение по чипам, встроенным в банковские карты, и даже через мобильные приложения, обладающие функцией геолокации. Более того, в стране до сих пор не существовало современной централизованной системы сбора данных о гражданах. Каждое ведомство работало самостоятельно, и обмен информацией занимал непозволительно много времени.

Снова взяв бокал с вином, Агнежка довольно хмыкнула. Выходило, что ехать никуда не надо. Если она станет владельцем недвижимости, то с ее паспортом ЕС можно жить в Швейцарии сколь угодно долго. При этом можно было не особо опасаться, что ее случайно вычислят

¹⁷ Красное вино, произведенное в долине реки Роны на границе Швейцарии и Франции.

из-за маловероятного шанса, что после операции на коллайдере где-то остались зацепки, по которым на нее удастся выйти полусонной швейцарской полиции.

Так она решила остаться и осесть здесь под своим реальным именем и фамилией. Сняла себе в Лозанне небольшую просторную студию с великолепным видом на Женевское озеро, поступила в местную бизнес-школу, чтобы получить степень *MBA*, а заодно иметь оправдание на случай, если кто-то начнет задавать вопросы, чем она тут занимается.

Несмотря на кучу новых друзей и знакомых, после приключений в Гринпис и операции на коллайдере жизнь ей казалась скучной и бесцветной. Агнежка даже начала подумывать о замужестве, но, покрутив эту идею в голове, отложила на более позднее время, решив, что семья и детишки пока не для нее. И в этот момент пришло сообщение от Гао. Ему нужна была помощь во Франции. Операцию, на которую подрядил китаец, была словно выдернута из накрученного высокотехнологическими штучками шпионского боевика, и это ее очень заводило. Она и представить не могла, что ей когда-нибудь выпадет шанс повернуть такое.

Плотно закрыв коробку с коптером, Агнежка задвинула ее вглубь багажника и, пристроив туда сумку со своими вещами, захлопнула крышку.

Все выглядело довольно просто. Она подобрала оставленную людьми Гао машину на одной из парковок женевского торгового центра. В багажнике уже было сложено все необходимое. Инструкции пришли по сети. Подготовка на месте проведена заранее. Ей просто предстояло выехать во Францию, запустить коптер, провести его по маршруту, выполнить простенькую манипуляцию и понаблюдать за тем, что произойдет, чтобы получить подтверждение, что задание выполнено. И за это Гао платил очень хорошие деньги.

Представляя себя героиней шпионского боевика, Агнежка уселась за руль. Проверила документы, обновила маршрут на навигаторе, сделала несколько глотков кофе с молоком из установленной в подлокотнике термокружки и запустила двигатель.

Путь ей предстоял неблизкий. До цели в долине Луары надо было пройти почти 500 км. Там она переночует в небольшом частном отеле, который держит семья разорившихся фермеров, сделает свое дело и двинется дальше в небольшой французский городок Виши, где у нее назначена встреча с агентом по недвижимости. Надо же иметь хоть какое-то подобие алиби.

Дороги во Франции нельзя сравнить с немецкими автобанами, но идущая от Женевы трасса А40, по которой резво катил ее небольшой электромобиль, была вполне сносной, а знаки допускали скорость до 120 км. Агнежка включила подборку любимых треков и, иногда подпевая под знакомые куплеты, двигалась к своей цели. Она очень удивилась, когда на одной из развязок ее остановил дорожный патруль, усиленный двумя вооруженными пехотинцами. Полицейские, перебросившись с ней парой невинных шуток, быстро проверили документы, бегло осмотрели машину и сообщили, что из-за неутраченных беспорядков в крупных городах такие посты теперь стоят по всей трассе. Действительно, по дороге она встретила еще несколько патрулей и даже импровизированный блокпост с, перекрывавшими дорогу, бетонными блоками. Впрочем, полиция на нее больше внимания не обращала. Возможно, ее машину уже занесли в общую базу как досмотренную и не представляющую интереса.

Километров за сто от цели Агнежка свернула с трассы и, следуя указаниям навигатора, остановилась на небольшой пустой боковой стоянке, примыкающей к буковой роще. Она достала коптер, присоединила к нему блок питания, проверила работу пульта управления и надежность сигнала. Все работало устойчиво, без сбоев. Установив аппарат на багажник седана, она забралась на водительское сидение и легким движением джойстика подняла его в воздух.

Коптер работал бесшумно, был очень отзывчив и из-за установленной на нем интеллектуальной системы помощи оператору прост в управлении. Это было похоже на компьютерную игру. Десятидюймовый экран планшета был достаточно широким, чтобы рассмотреть детали. В случае необходимости можно было дать восьми увеличение на камеры, работающие в обыч-

ном и тепловизионном режиме. Переключение между камерами было легким, в режиме кругового обзора экран разбивался 4 сегмента. В общем игрушка была дорогая и донельзя навороченная. Но основным ее отличием от стандартных коптеров был небольшой установленный снизу манипулятор, которым тоже можно было управлять с пульта.

Еще со времен Гринпис Агнежка имела опыт управления дронами, но, чтобы освоиться с управлением, все же погоняла аппарат вдоль дороги, потом несколько раз, петляя, пролетела между деревьями, вернулась на стоянку, нашла около мусорного бака пустую скомканную пачку сигарет и, кликнув на нее джойстиком, дала команду поднять. Коптер быстро проложил маршрут, завис над пачкой и ловко подхватил ее манипуляторами. Она огляделась вокруг глазами мощных камер, несколько раз сменила режимы наблюдения с обычного на тепловизионный и отдала коптеру команду положить поднятый груз на столбик ограждения на противоположном конце стоянки. Аппарат быстро поднялся, сделал крутой вираж и через секунду завис над столбиком. Несколько секунд он тщательно выбирал позицию, потом медленно опустился, разжал манипуляторы и тут же взмыл вверх. Пустая сигаретная пачка осталась лежать на неровной, выщербленной погодой бетонной поверхности столба. Удовлетворенно покивав, Агнежка нажала иконку «возврат», и аппарат приземлился в том же месте на багажнике ее автомобиля, откуда начал свой короткий полет. Все работало безукоризненно. Операция должна была пройти без сбоев.

Оставшиеся километры до места операции пролетели незаметно. Когда начало смеркаться, Агнежка свернула на боковую дорогу, проехала поворот на проселок, ведущий к ее гостинице, и остановилась. Она достала из сумки свой смарт и простенький мобильный телефон, положила все это в небольшую пластиковую коробку, вышла из машины и спрятала коробку в траву рядом с указателем поворота на ферму. Потом, сверившись со схемой, полученной от Гао, пошарила рукой справа под торпедой и щелкнула едва заметной кнопкой, спрятанной под пластиковой обшивкой. Встроенный в панель интерактивный экран, на который был выведен навигатор, погас. Если ее передвижения захочет отследить полиция по триангуляции сотовых вышек или по *GPS*, они будут видеть, что весь вечер и ночь ее мобильные устройства оставались в районе фермы.

Теперь ей надо было подготовить коптер. Агнежка вышла из машины, открыла багажник и, повозившись с манипулятором аппарата, жестко закрепила в нем небольшой, похожий на аэрозольный баллончик цилиндр. Она присоединила идущий от него провод к гнезду коптера и проверила на пульте надежность подачи команд.

Убедившись, что все работает, девушка вернулась на водительское сидение, достала подробную военную карту и сверила по ней свое положение. Ей надо было проехать еще километров десять по этой дороге, чтобы разместить коптер на расстоянии двух километров от старинной усадьбы, где находилась ее цель. Это не заняло много времени, и через двадцать минут она, подобрав коробочку со смартфоном, въехала на двор фермы, где ей предстояло провести ночь.

Хозяева оказались на редкость любезной пожилой парой. После обильного деревенского ужина они усадили ее у камина и принялись угощать домашним вином и сырами. В кровать Агнежка легла с давно забытым чувством приятной сытости и легкой эйфории от необычно крепкого местного вина. Тем не менее это не помешало ей достать из сумки пульт управления коптером и на экране еще раз прогнать симуляцию своих завтрашних действий.

Утром она проснулась около семи, быстро размяла мышцы легкой гимнастикой, выпила кофе из термоса и, разложив на кровати пульт от коптера, принялась ждать сигнала. За объектом следил спутник. Каждое утро около 8 часов цель выходила на короткую пробежку, оставаясь дома только в самую суровую непогоду. Утро сегодня было ясное, и она надеялась, что легкие порывы ветра не станут причиной, чтобы нарушать эту привычку.

В режиме ожидания она проверила все системы находящегося в 10 км от нее коптера. Подняла его в воздух и осмотрела местность через объективы камер. Вдали виднелся окру-

женный садом и виноградниками небольшой старинный, выложенный из камня замок с двумя башенками. Окружающие виноградники, поля, на которых были разбросаны редкие рощицы, и дорога, идущая в полукилометре от замка, в это время были пусты. Она снова приземлила аппарат и бросила взгляд на часы. Цель могла выйти на пробежку в любую минуту.

Сигнал от спутника пришел без четверти восемь. На пульте управления коптером замигал зеленый светодиод и чуть слышно заработал зуммер. Агнежка посмотрела на экран, на котором автоматически высветилась карта местности вокруг замка. По ней через виноградники медленно двигалась пульсирующая красная точка. Это была цель. Она пересела в кресло, положила пульт управления себе на колени и, чуть тронув похожий на рычаг управления вертолетом джойстик, подняла коптер в воздух.

В переданной Гао инструкции радиус действия аппарата ограничивался тремя километрами. Там еще было отмечено, что между ее агроусадьбой и целью будут размещены три усиливающих сигнал ретранслятора. Это позволит свободно управлять аппаратом с расстояния 10 км. Ресурса батареи даже в режиме активного маневрирования должно хватить на 45 минут. Этого более чем достаточно, чтобы сделать работу и вернуть коптер к заложенному в его памяти месту рядом с фермой, где аппарат потом можно будет подобрать, не привлекая внимания.

Еще раз проверив управляемость коптера и прогнав тестирование систем, Агнежка подняла его на высоту 200 м и навела камеры на цель.

Километрах в полутора от дрона по покрытой гравием дорожке, проложенной через виноградники, бежал одетый в осенний тренировочный костюм мужчина. Она увеличила изображение и удивленно присвистнула. Это был французский ученый с коллайдера, которого она взяла для Гао в ночь, когда американский президент сделал свое сенсационное заявление. Странно. Если он представлял опасность, зачем его надо было отпускать. Впрочем, это не ее дело.

Безразлично пожав плечами, Агнежка посмотрела на часы и перевела взгляд на карту. Цель двигалась легкой трусцой и успела отбежать от дома почти на километр. Тянуть больше не имело смысла. Она опустила коптер ниже и быстро повела его над виноградниками, заходя цели в тыл. Через минуту аппарат завис метрах в трехстах сзади ученого над дорогой, по которой он бежал. Она еще раз увеличила изображение и довольно ухмыльнулась. Француз был в наушниках. Он бежал и слушал музыку со своего смартфона. Хотя аппарат работал практически бесшумно, в окружающей утренней тишине внимание цели мог привлечь любой звук. Агнежка подала джойстик вперед, и коптер начал быстро нагонять цель. Она вывела изображение с камеры заднего вида в отдельное окно и сняла предохранитель с кнопки применения оружия. На экране замигал знак готовности.

Коптер прошел над головой ученого и сразу же нырнул вниз. На уровне глаз он выпустил в лицо цели из направленного назад баллона мощную струю газа. Аппарат чуть качнуло от образовавшейся дополнительной реактивной тяги, но Агнежка была к этому готова, выровняла его, быстро набрала высоту и зависла метрах в пятидесяти над целью.

Француз от неожиданности закрыл лицо руками и шарахнулся в сторону. Потом одной рукой схватился за горло и, повалившись на землю, попытался второй достать из закрепленного на левом предплечье чехла смартфон, но сильный нервно-паралитический газ уже начал действовать и через секунду его тело обмякло и замерло без движений.

Не спуская глаз с экрана, Агнежка подвела коптер вплотную к цели и навела камеры на застывшее, искаженное гримасой боли лицо. Снова заработал зуммер. Зеленый светодиод спутниковой связи на пульте погас. Задача была выполнена. После нажатия на иконку возврата включился автопилот и коптер, набирая скорость, помчался над виноградниками в заранее отмеченную точку подбора.

Довольная собой девушка закрыла пульт и аккуратно сложила его в сумку. Подошло время покинуть эту уютную ферму и, согласно легенде, двигаться дальше, в Виши. Но вначале надо позавтракать. Даже в ее комнате чувствовался пряный запах домашней выпечки и бодрящий аромат свежесваренного кофе. Она с довольным видом потянулась и, по привитой родителями с детства привычке аккуратно заправив постель, спустилась вниз в столовую, где ее уже ждали радушные хозяева.

Россия. Московская область. Реабилитационно-восстановительный центр ФСБ

Судя по тому, что Лесовскому выделили целый блок в реабилитационном центре и он не стеснял себя в выборе оборудования, начальство относилось к исследованиям Сингулярности очень серьезно. Но, несмотря на дорожные приборы и полдюжины профессоров, собранных ему в помощь со всей страны, работа продвигалась очень медленно. За последние несколько дней уже около сотни «добровольцев» прошли через процедуру нейростимулирования. Результаты были очень интересными, и в другое время, увлекшись, он ушел бы с головой в их изучение. Но теперь перед ним стояла другая цель.

Они знали про клауструм, триарх и Сингулярность. Они знали, что человек при нужном воздействии на мозг может войти в состояние измененного сознания и вступить в контакт, если не с самой Сингулярностью, то с окружающим ее полем. Татьяна, Ривье и Монтини это уже делали. Причем в Китае контакт был спровоцирован искусственно. Значит, при определенных параметрах всем процессом можно управлять. Осталось только найти правильную формулу стимуляции триарха. Именно здесь и возникала основная проблема.

Данные, полученные во время стимуляции мозга Ривье во Франции, значительно сузили диапазон поисков, но даже теперь он был настолько широк, что, по прикидкам неврологов, его проработка могла занять несколько лет. Ввиду того, что китайцы тоже работают над Сингулярностью, причем уже довольно давно, это было непозволительно долго. Ситуацию осложняло то, что работать с Ривье теперь уже не было возможности. Французы сообщили, что у него во время утренней пробежки случился сердечный приступ. Беднягу нашли через несколько часов, так что помощь оказывать было уже бесполезно.

Можно было, конечно, привлечь дополнительные ресурсы, в разы увеличить количество «добровольцев», но тогда бы увеличился риск утечки информации о Сингулярности. А этого допустить было нельзя. После того, что произошло в Штатах, любые данные об исследованиях подобного рода могли трактоваться ими как подготовка к применению психотронного оружия. Как Америка на это могла отреагировать, догадаться было несложно. Вашингтону сейчас был очень нужен внешний враг, чтобы направить агрессию населения за пределы страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.